

На правах рукописи

ШАДУРСКИЙ ВЛАДИМИР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

**РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV–XIX ВЕКОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. АЛДАНОВА**

Специальность 5.9.1. – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тверь – 2025

Работа выполнена на кафедре истории и теории литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственный университет»

**Официальные
оппоненты:**

Громова Алла Витальевна –
доктор филологических наук, профессор,
профессор департамента филологии,
Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический
университет»

Марченко Татьяна Вячеславовна –
доктор филологических наук, заведующая
отделом культуры российского зарубежья,
Государственное бюджетное учреждение
культуры города Москвы «Дом русского
зарубежья имени Александра Солженицына»

Строганов Михаил Викторович –
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт мировой литературы
им А. М. Горького Российской академии наук

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Псковский государственный
университет»

Защита состоится « 9 » октября 2025 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.06 по филологическим наукам, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: _____

Автореферат разослан « _____ » _____ 2025 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент _____ Ю. Г. Бит-Юнан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования и степень разработанности темы

В России с конца 1980-х гг. накапливался опыт исследований содержания и поэтики алдановских произведений, опубликован большой объем эпистолярия Алданова, глубоко изучен архив писателя в США (А. А. Чернышев, С. К. Пестерев). В начале 2000-х гг. молодые российские филологи после выхода собраний сочинений М. А. Алданова проявили значительный интерес к творчеству писателя. Отечественное алдановедение, бурно развившееся в это время, представило научной общественности несколько кандидатских диссертаций. Наследие М. А. Алданова стали изучать в вузах, оно вошло отдельным блоком в учебники по литературе русского зарубежья, было представлено в различных энциклопедиях. Однако в работах отечественных литературоведов не учтены содержание известного библиографического указателя¹ и опыт предшественников из США, Канады, Франции, Польши². Публикации историков и литературоведов о жизни и творчестве Алданова, а также издания его писем и произведений превратились в громадный хаотичный массив, и на его поверхности у исследователей стали популярны несколько тем: кроме собственно историософских и философских взглядов М. А. Алданова, это интертекстуальность его творчества, зависимость от наследия Л. Н. Толстого, нелюбовь к Ф. М. Достоевскому.

Несмотря на усиление интереса к эмигрантике³, алдановедов по всему миру можно насчитать несколько десятков человек, но они, судя по редким упоминаниям работ соотечественников, игнорируют исследования друг друга. Алдановедение не вписывает предмет своего изучения в литературоведческие концепции, не обращается к новым методам науки о литературе. Возможно, такую тенденцию определили отсутствие комплексных, обобщающих работ и наличие строго тематических монографий⁴. Только в последние годы появились разные по своей

¹ Cristesco D. *Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov* / Établie par D. et H. Cristesco; sous la direction de T. Ossorguine; introduction de Marc Slonim. Paris, Inst. d'études slaves, 1976, XIII, 87 p.

² Шадурский В. В. Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2005. № 33. С. 72–76.

³ Пономарев Е. Эмигрантика за тридцать лет: от возникновения до рассвета // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 378–396.

⁴ Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика. Уфа, 2004. 186 с.; Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. 180 с.

тематике, но очень глубокие публикации универсального характера А. А. Чернышева⁵, М. Л. Уральского⁶, Т. И. Дроновой⁷.

М. А. Алданов – не только самый читаемый писатель русской эмиграции первой волны, но и один из видных публицистов, литературных обозревателей, его перу принадлежат десятки статей, очерков, рецензий в ведущих изданиях русского зарубежья, через которые он, воздействуя на аудиторию, влиял на литературный процесс и формировал предпочтения читателей. Вместе с тем его литературная критика и публицистика оказываются малоизученными.

В связи с этим *актуальность* диссертационного исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, еще не созданы «единая библиографическая база данных исследований и публикаций по Русскому зарубежью», «Сводная библиография русской экстерииорики», «Сводная электронная библиотека эмигрантских изданий», «Реестр архивных фондов Русского зарубежья»⁸, но благодаря новейшим технологиям и возрастающей открытости архивов и библиотек могут быть изучены ранее неизвестные или недоступные исследователям материалы из эмигрантской печати; познание, интерпретация этой новой информации существенно обогатит представление о ходе литературного процесса русского зарубежья: «...изучение эмиграции идет сейчас не только вширь, сколько вглубь»⁹, необходимость введения в научный оборот обнаруженных документов и текстов М. А. Алданова, связанных с восприятием русской литературы очевидна. Во-вторых, целостного изучения алдановской прозы, выросшей на русской классической литературе, еще не проводилось, хотя многообразные аспекты рецепции отдельных писателей – А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова – неоднократно становились предметами научных изысканий, выраженных в статьях, диссертациях, монографиях; значение различных исследований требуется осмыслить, обобщить и дополнить. В-третьих, с помощью рецептивного

⁵ Чернышев А. А. Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. М.: Паблит. 2017. 358 с.

⁶ Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.

⁷ Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1 № 2 / Редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440–539; Дронова Т. Путь парадоксов Марка Алданова: монография. М.: Флинта, 2020. 256 с.

⁸ Шиюй Ван. Интервью с Олегом Коростелевым // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 447.

⁹ Гентшке В. Л. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю = Russian diaspora: materials to bibliographic index. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 47.

анализа появляется возможность увидеть, как формировалась творческая личность Алданова-писателя и Алданова-критика, для чего применяется диахронический принцип – рассмотрение истоков этой рецепции в подходах М. А. Алданова к древнерусской литературе и литературе эпохи классицизма, а также к образцам собственно русской классической литературы XIX в. и ее ярким представителям. *В-четвертых*, благодаря изучению особого статуса Алданова-читателя и Алданова-общественника появляется возможность оценить его читательские и литературно-критические, издательские принципы восприятия наследия русской классической литературы, которые существенным образом влияли на собратьев по перу в эмиграции, на русского зарубежного читателя и даже на читателя-иностранца. *Пятое обстоятельство*, определяющее актуальность, – это необходимость исследовательского освоения ранее не изученных художественных и литературно-критических текстов Алданова, важных для полного представления о глубине и богатстве литературного процесса русского зарубежья и в целом русской литературы XX века.

Научная новизна исследования состоит в целостном осмыслении рецепции русской литературы XV–XIX в., осуществленной в художественной и документальной прозе М. А. Алданова, во введении в научный оборот малоизвестных статей и очерков писателя, опубликованных в эмигрантских изданиях (Латвия, Франция, США), в североамериканских научных сборниках, недоступных ныне российской научной общественности, в критическом рассмотрении статей и монографий зарубежных и отечественных алдановедов.

На основе обнаруженных фактов интертекстуального, мотивного присутствия русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова выявлена его особая творческая концепция, воплощающая мировоззренческий и эстетический подходы к наследию отечественной словесности. Введены в научный оборот публикации М. А. Алданова, документы, письма из его архива (Дом-музей Марины Цветаевой), рецензии на произведения из малодоступных европейских («Сегодня»¹⁰) и заокеанских («Новое русское слово») изданий. Определено, что эта концепция начала создаваться в 1920–е гг., ее формирование продолжилось писателем в 1930–1950-е гг.

Впервые установлено, что в художественной и документальной прозе М. А. Алданова создается система принципов восприятия русской классики; рациональная часть этой системы сформулирована в нон-фикшн: литературно-критических статьях, рецензиях, очерках, путевых заметках, книге философских диалогов «Ульмская ночь», в эпистолярии;

¹⁰ См. об источниковедческих проблемах работу: Трубилова Е. М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 290–328.

эмоциональная, эстетическая часть системы передана в виде художественных образов, аллюзий, цитат, мотивов, а также с помощью интерпретации различных сюжетов.

Впервые показано, как на систему алдановских принципов восприятия русской классики оказывали воздействие историко-литературный контекст эмиграции первой волны, условия политической и общекультурной ситуации, трансформации сознания соотечественников, а также условия постижения и осознания русской литературы зарубежным читателем.

Определено, что восприятие русской классической литературы XIX в. у М. А. Алданова превратилось в многогранную рецепцию, вместившую в себя художественную преемственность, которая заключается в консервативном следовании реалистической поэтике, критическом отношении к вершинам отечественной словесности, переосмыслении проблематики и поэтики произведений русских писателей, что выразилось в оригинальных интерпретациях и сказалось на алдановской трактовке феномена русской литературной классики.

Установлено, что русская литературная традиция воспринималась М. А. Алдановым как мировоззренческая и эстетическая основа собственного творчества и поведения, в разные годы жизнь писателя наполнялась интересом к образцам древнерусской литературы (от сочинений Нила Сорского и «Жития» протопопа Аввакума), русской литературы XVIII–XIX вв.

Сделанные наблюдения за рецепцией русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова впервые позволяют утверждать о существовании в его художественной и документальной прозе отдельных интертекстов классиков русской литературы: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. В условиях хаоса и потери ориентира жизни русского эмигранта эти писатели выбраны М. А. Алдановым для своеобразной канонизации, для утверждения нравственной и эстетической основы культурной жизни; в большей мере канонизации подвергается Л. Н. Толстой.

Впервые предлагается трактовка рецепции русской классической литературы как оригинальной концепции, с помощью которой М. А. Алданов смог выразить собственную аксиологию и философию в разнообразных эпических жанрах. Содержание алдановских романов, сориентированное на идеи и образы русской классики, соответствовало экзистенциальным запросам современников-эмигрантов, переживших исторические катастрофы, и в первую очередь тех, кто оказался в трудных условиях существования без духовной и нравственной опоры; вместе с тем это содержание имеет ценность и для последующих поколений читателей, вынужденных сталкиваться с проблемами экзистенциального характера.

Наблюдения за художественной прозой М. А. Алданова дают возможность утверждать, что для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков он создал эклектичный, оригинальный стиль, позволивший объединить приемы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Благодаря воздействию стиля Ф. М. Достоевского в алдановской прозе развивались диалогичность и психологизм; влиянием эпических произведений Л. Н. Толстого обусловлена объективация повествования и представление эволюции главных героев художественной прозы М. А. Алданова.

Впервые представляется гипотеза, согласно которой восприятие русской классики у М. А. Алданова обусловлено его либерально-просветительским мировоззрением, определившим поэтику его творчества, а также оказавшим воздействие на литераторов, писателей русского зарубежья и читателей их произведений.

Объект диссертационной работы – русская литература XV–XIX веков как предмет алдановской рецепции.

Предметом исследования является рецепция русской литературы XV–XIX вв. в художественной и документальной прозе М. А. Алданова.

В диссертации речь идет о вариантах усвоения тем, образов, идей русской классики разными поколениями читателей, литературных критиков, писателей и прежде всего в творческой деятельности самого М. А. Алданова, то есть представлено описание способов и результатов осуществления этой рецепции в публицистике, литературной критике, переписке, общественно-литературных проектах, художественных произведениях М. А. Алданова.

В диссертационной работе прослеживается эволюция взглядов Алданова на русскую литературу от древнерусского периода ее развития до золотого века, с включением знаковых имен писателей XIX столетия.

Материал исследования – тексты М. А. Алданова и русских писателей XV–XIX вв., рецепция которых осуществляется в его прозе, документальные материалы и первоисточники – прижизненные издания М. А. Алданова, его отзывы на книги писателей русской классической литературы, критические статьи о его творчестве, опубликованные в эмигрантской периодике, издания сочинений Нила Сорского, протопопа Аввакума, Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова.

Источником для проведения исследования стали тексты М. А. Алданова разных лет написания, которые изданы как в современной России, так и в издательствах начала XX в. и русского зарубежья. Для работы с очерками, критическими статьями, рецензиями автор диссертации обратился к журналам «Грядущая Россия», «Современные записки», «Новый журнал», газетам «Последние новости», «Сегодня»,

«Новое русское слово», публицистическим сборникам русских эмигрантов. Значительную часть изучения составили обширный алдановский эпистолярный, архивные материалы, в частности документы Дома-музея Марины Цветаевой, редакционные материалы журнала «Современные записки».

Цель диссертационного исследования – изучить особенности алдановской рецепции русской литературы XV–XIX вв., описать ее формы, осмыслить специфику репрезентаций образов, функции мотивов, сюжетов, использования приемов поэтики, цитат из произведений русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие *задачи*:

1. произвести выборку информативных материалов из разнообразных справочных, биографических и библиографических изданий, из эмигрантской печати, фондов архивов и музеев, содержащих упоминание имени М. А. Алданова, для получения наиболее полной картины соотношенности литературной деятельности писателя с русской литературой XV–XIX вв.;

2. исследовать проблемы восприятия русской литературы XV–XIX вв. в прозе М. А. Алданова с учетом современного ему эмигрантского и зарубежного контекстов;

3. изучить различные аспекты алдановского прочтения русской классики в литературно-критических статьях, эпистолярной, очерках, путевых заметках, эссе и художественной прозе;

4. описать в исторической хронологии алдановское восприятие произведений древнерусского периода, литературы XVIII в., писателей – «вершин» русской литературы XIX в., а также использование литературных традиций;

5. обобщить наблюдения исследователей творчества писателя над различными аспектами алдановской интертекстуальности и фактами преемственности творчества А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. Н. Гоголя, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова;

6. раскрыть значение цитат из русской классики и многочисленных алдановских репрезентаций образов, использования приемов, мотивов, сюжетов русской классической литературы, выраженных в его художественной и документальной прозе (нон-фикшн);

7. с учетом восприятия русской классики у современников М. А. Алданова – писателей, литературных критиков русского зарубежья, а также историков литературы обобщить опыт его рецепции в 1920–1950-е гг. и выявить ее специфику.

Методологические и теоретические основы диссертации

Выносимые автором на защиту научные положения являются результатами многостороннего анализа, полученными с применением комплекса методов исследования.

Основой для изучения послужили теоретические и историко-литературные труды в области интертекстуальности, нарратологии, исторической поэтики, сравнительного литературоведения, герменевтики, феноменологии и рецептивной эстетики. В представленной работе интерпретация произведений основывается на имманентном (внутритекстовом) и контекстуальном подходах.

В диссертации учитываются и представления о литературном процессе, высказанные в статьях и монографиях отечественных ученых Б. В. Аверина¹¹, М. М. Бахтина¹², И. И. Виноградова¹³, В. Д. Днепров¹⁴, Ю. М. Лотмана¹⁵, Н. Д. Тмарченко¹⁶, В. И. Тюпы¹⁷, а также в отдельных работах А. Компаньона¹⁸, Ж. Старобинского¹⁹, Х.-Р. Яусса²⁰.

В диссертации совмещаются синхронический подход, позволяющий оценивать творчество М. А. Алданова в контексте литературы и интеллектуальной мысли русской эмиграции, и диахронический, дающий возможность увидеть, как лучшие образцы русской литературы XIX столетия были прочитаны, оценены и восприняты одним из самых влиятельных читателей, живших в условиях политической свободы; применяются принципы культурно-исторического метода, составления текстологических комментариев и рецептивный анализ.

Один из важнейших аспектов диссертации – понимание проблемы восприятия произведения, в частности, текстов русской классической литературы. В связи с этим в работе учтены различные идеи как представителей историко-функционального литературоведения, так и

¹¹ Аверин Б. В. От Толстого до Набокова. Из истории русской литературы. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит», 2014. 390 с.

¹² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

¹³ Виноградов И. И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. 672 с.

¹⁴ Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель, 1980. 598 с.

¹⁵ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 380–388.

¹⁶ Тмарченко Н. Д. Лев Толстой // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1 / ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2000. С. 336–389.

¹⁷ Тюпа В. И. Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.

¹⁸ Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

¹⁹ Старобинский Ж. Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

²⁰ Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С. 34–84.

сторонников рецептивной эстетики, а также теоретические обобщения тех литературоведов, позиции которых близки диссертанту в понимании тенденций читательского восприятия, рецепции и непростых возможностей интерпретации текстов.

«Читатель-современник воспринимает текст как факт собственной жизни, не заботясь о том, чтобы определить его место в иерархии литературных текстов. Читатель другой эпохи, видя в произведении факт литературной жизни прошлого, стремится оценить его эстетически. Поэтому те художественные “изъяны”, которые когда-то не замечались современниками, могут быть восприняты им как проявление художественной несостоятельности»²¹, – эти наблюдения в значительной мере осмыслены при анализе рецепции русской классики в творчестве писателя. М. А. Алданов – это активный читатель, который привносит как в художественную (в пространство романов, повестей, рассказов), так и в нехудожественную (в пространство очерков, публицистики, литературной критики, переписки) сферы рецепции собственный читательский опыт, наблюдения русскоязычных современников и освоение прочтения русской классики иностранным читателем.

После прохождения пути изучения интертекстов и литературных подтекстов²² диссертант полагает, что даже при наличии преемственности в творчестве, при сильном воздействии «чужого слова» М. А. Алданова невозможно назвать модернистским писателем или автором, использующим интертекстуальные приемы. Он писатель-эрудит, который смог в меру своего таланта продолжить стиль великой русской литературы. «Культура – это примерно то же, что историки XIX века называли душой народа или его расой в филологическом смысле слова, то есть единство языка и символических проявлений данной группы²³», алдановская рецепция русской культуры XIX в. – это следование ее стилю и традиции. Принадлежность М. А. Алданова к принципам и стилю ушедшей эпохи – проявление культуры, гуманности, надежности и верности, которые писатель воспитывал у своего читателя. «Стиль в самом широком смысле слова – это комплекс опознаваемых формальных черт и в то же время симптом некоторой личности (индивида, группы, периода). Описывая, анализируя стиль в его сложных деталях, интерпретатор воссоздает душу этой личности»²⁴. В диссертации мы понимаем М. А. Алданова как интерпретатора стиля, поэтики русской литературы XIX в.

²¹ Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. М., 2003. С. 14.

²² Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород: НовГУ, 2003. 90 с.; Шадурский В. В. Марк Алданов – комментатор русской классики. Великий Новгород: НовГУ, 2016. 111 с.

²³ Компаньон А. Указ. соч. С. 202.

²⁴ Там же. С. 203.

В предлагаемом исследовании используются разные методологические принципы в зависимости от изучаемого материала. При анализе и интерпретации документальной прозы М. А. Алданова – эпистолярная, очерков – применяются принципы биографического метода и культурно-исторической школы. При восприятии художественной прозы – интертекстуальный анализ, рецептивная эстетика. Вместе с тем целый ряд ассоциаций, упоминаний М. А. Алдановым различных историко-литературных фактов потребовал контекстуального анализа и реального комментария.

Теоретическая значимость диссертации связана с несколькими новыми положениями, раскрывающими нашу концепцию.

Во-первых, расширяется понятие «рецепция». Под термином «рецепция» диссертант понимает восприятие чужого текста, приводящее читателя к собственным суждениям и оценкам этого текста, творческим действиям (включая отзывы в письмах, отклики в публицистических и литературно-критических статьях, рецензиях, создание литературных произведений и реализацию литературно-общественных инициатив, переводов, репрезентацию в других видах искусств). Мы разработали и опробовали аналитический подход к изучению подобных форм многоаспектной рецепции.

Во-вторых, дается подробная характеристика таким формам рецепции как комментарий (возникающий в литературно-критических работах, публицистике, переписке), интерпретация (появляющаяся в рассказах, повестях, романах), использование приемов поэтики прозы русской классической литературы (преимущественно в алдановских романах), общественно-литературная деятельность М. А. Алданова (от участия в праздниках в честь русской классики до выпуска изданий, продолжающих журнальную традицию русской литературы – «толстых» журналов «Грядущая Россия», «Новый журнал»).

Комментарием у М. А. Алданова мы называем толкование неясных мест, приведенных цитат, сопоставление их значения со значением ряда изображаемых событий, выявление контекстуальных связей актуализируемого фрагмента. Чаще всего это происходит в алдановских текстах нон-фикшн, где художественность редуцирована, но малые текстовые эпизоды тем не менее сохраняют литературный код, который нуждается в дешифровке. В роли комментатора М. А. Алданов проявляется в нехудожественных книгах, в статьях, большом количестве документальных и публицистических очерков. Как интерпретатор он раскрывает себя при восприятии идей, образов, поступков русских писателей преимущественно в художественных произведениях.

Утверждается, что М. А. Алданов осуществляет рецепцию русской литературы в нескольких аспектах – и вполне автономных, и взаимопересекающихся: в своей художественной и документальной прозе

он ведет себя и как комментатор, и как интерпретатор русской классической литературы; в литературно-общественных и издательских инициативах он выступает в роли редактора журналов, руководителя различных комитетов, фондов, участника просветительских и литературных акций: мысли, высказанные в литературно-критических статьях, находят художественное воплощение в прозе, и, наоборот, образы, созданные Алдановым-художником, уточняются и проясняются в его же публицистике.

В диссертации показывается, как различные способы рецепции русской классической литературы сформировали в творчестве Алданова особенный образ России и русской литературы. Предложена трактовка рецепции русской классической литературы как оригинальной концепции, с помощью которой М. А. Алданов смог выразить собственную аксиологию и философию в разнообразных эпических жанрах.

Практическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение литературы русского зарубежья, в исследование тенденций литературного процесса XX в.; материалы диссертационной работы могут быть применены в вузовских курсах преподавания истории русской литературы XX в., в дисциплине «История литературы и журналистики русского зарубежья», «Эмигрантика», при составлении программ историко-литературных дисциплин.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования.

Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы. Общий объем диссертации 437 с., в том числе основной текст 405 с., библиографический список на 32 с., который содержит 116 источников, включающих в себя собрания сочинений, переписку, архивные документы, а также 25 справочников и 248 исследований по истории литературы, критических статей и воспоминаний.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Литературно-критическая деятельность М. А. Алданова, осуществлявшаяся в эмигрантских журналах, газетах, сборниках, дала писателю возможность ярче обозначить свои эстетические и этические принципы и продемонстрировать свою близость традициям русской литературной критики. Различные начинания М. А. Алданова – от журнала «Грядущая Россия» до «Нового журнала», занятия литературной критикой – позволили ему в условиях политической свободы достичь творческой целостности, совместить интерес к точным и естественным наукам со страстью к литературе.

2. Алдановское восприятие русской литературной традиции содействовало успешному представлению русской литературы XIX в.

русскоязычному читателю в Европе и США, иностранному читателю – на разных континентах.

3. Результаты рецепции русской классической литературы представлены в творчестве Алданова литературно-художественными, литературно-критическими и публицистическими текстами; в текстах первого типа рецепция и интерпретация русской литературы носит творчески-эстетический, художественный характер; литературно-критические и публицистические тексты М. А. Алданова уточняют, рационализируют формируемые образы, являясь по отношению к ним формой авторского комментария.

4. Персонифицированная рецепция писателей XIX в. в художественной прозе М. А. Алданова не имела мифотворческого и идеализированного характера. Восприятие отдельных писателей русской классической литературы (Г. Р. Державина, А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова) и их произведений у М. А. Алданова было спорадическим, неупорядоченным, нелинейным. Вместе с тем рецепция творчества таких писателей, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, осуществлялась Алдановым, превращаясь в эстетическую и мировоззренческую концепцию, которая воздействовала на его художественное творчество в течение всей жизни. Алдановское восприятие Л. Н. Толстого и трактовка его произведений, оценка стиля повлияли на литературную атмосферу русского зарубежья, оказали воздействие на читательские приоритеты, на формирование в русской эмиграции образа Л. Н. Толстого как писателя-парадоксалиста, а также на трансляцию этого образа зарубежному читателю.

5. Особое отношение к русской классической литературе (от комментирования до интерпретации) позволило М. А. Алданову в прозе объединить аксиологию с мировидением, что соответствует экзистенциальным запросам современника-эмигранта, пережившего исторические катастрофы и оказавшегося без нравственных и духовных ориентиров; это отношение помогало М. А. Алданову как автору и личности сохранить национальную идентичность.

6. Благодаря стилю Л. Н. Толстого М. А. Алданов реализовал себя как автор «традиционного эпоса нового времени»; следуя традициям Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, он усовершенствовал «романический эпос»; продолжая традиции, заложенные Н. М. Карамзиным, И. С. Тургеневым, А. П. Чеховым, развил «очерковый эпос».

7. М. А. Алданову удалось осовременить русскую романную традицию и за счет этого избежать кризиса жанра романа. После тяжелейшего времени Второй мировой войны он нашел в себе силы отказаться от очерков и политических рассказов и сохранить верность

роману как жанру, используя приемы поэтики классиков русской литературы XIX в.

8. От других крупных писателей русского зарубежья Алданова отличает литературно-общественная позиция ответственного носителя, хранителя и распространителя русской культуры, культуртрегера.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования изложены в 58 публикациях, 8 из них в монографиях и главах коллективных монографий, 25 – в рецензируемых журналах, включённых в перечень ВАК и относящихся к категориям К1 и К2, 26 – в прочих научных изданиях.

Апробация материалов исследования осуществлялась в форме докладов на 31 международной конференции: «Литературный текст: проблемы и методы исследования» (Тверь, ТвГУ, 2000), «Пушкин и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2004, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН), «Русское зарубежье: приглашение к диалогу» (Калининград, Калининградский ГУ, 2004), «Биография Чехова: Итоги и перспективы» (Великий Новгород, НовГУ, 2006), «Молодые исследователи Чехова» (Москва, МГУ, 2008), «Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУ, 2008), «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской» (с. Хмелита Смоленской области, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А. С. Грибоедова «Хмелита», 2009), «Европа чете Чехов» (Велико Търново, България, 2010), XXXV Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2010, Дом-музей Ф. М. Достоевского, 2010), «Набоковские чтения» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2016, 2018, 2020, 2021, 2022), «Мгновение как сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2016), «Памяти И. В. Фоменко. Поэтика текста» (Тверь, ТвГУ, 2017), «Мусатовские чтения. Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков» (Великий Новгород, НовГУ, 2017, 2019, 2021, 2023), «Драма и театр» (Тверь, ТвГУ, 2015), «Поэтика текста» (Тверь, ТвГУ, 2019, 2023), «Зрелость как сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2019), «Проснуться знаменитым... “Стратегии литературного успеха в эпоху fin de siècle”» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2020), «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества» (ИМЛИ РАН, Москва, 2020), «Поколение как сюжет» (Тверь, ТвГУ, 2022), «Поэтика текста. Памяти Е. П. Беренштейна» (Тверь, ТвГУ, 2022), «Пушкин в культуре русского зарубежья» (Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2024), «Чехов в меняющемся мире» (Великий Новгород, НовГУ, 2024), «Emigrantica. Коростелевские чтения – 2025. Памяти Микелы Вендитти» (Москва, ИМЛИ РАН, 2025) и на 5 всероссийских конференциях: «Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русское зарубежье XX века» (Москва, Дом-музей Марины

Цветаевой, 2009), «Мир романтизма» (Тверь, ТвГУ, 2010), «Н. В. Гоголь и его творческое наследие. X Гоголевские чтения» (Москва, Дом-музей Н. В. Гоголя, 2010), «Державинские чтения» (Чудово, 2023, 2024).

Результаты исследования прошли апробацию на заседании кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета.

Положения и результаты диссертационного исследования отражены в авторских монографиях: «Русская классическая литература в восприятии Марка Алданова» (Великий Новгород: НовГУ, 2024), «Марк Алданов – комментатор русской классики» (Великий Новгород: НовГУ, 2016), «Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова» (Великий Новгород: НовГУ, 2003) общим объемом 30,4 п.л., в главах 4 коллективных монографий, в 26 статьях, опубликованных в журналах из перечня российских рецензируемых научных изданий (объем 19,3 п.л.), а также в 25 публикациях в прочих изданиях (объем 16 п.л.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи работы, а также объект и предмет исследования, описывается научная новизна и теоретико-методологическая основа рассматриваемой проблемы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертации «**Проблемы изучения рецепции русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова**» обращается внимание на проблемы источниковедения при изучении творчества М. А. Алданова и на проблемы алдановского восприятия русской классической литературы с учетом историко-литературного контекста русского зарубежья и Европы.

В **первом параграфе** 1-й главы «**Творчество Алданова и источниковедческие решения**» обоснован выбор различных материалов, источников для раскрытия темы диссертационного сочинения. Объяснены причины проблем в осуществлении сбора биографической и библиографической информации, связанной с жизнью и творчеством М. А. Алданова, намечены перспективы работы с источниковедческой базой для развития алдановедения.

Обращено внимание на тот факт, что, будучи евреем по происхождению (настоящее имя М. А. Алданова – Мордехай-Маркус Израилевич Ландау), писатель очень долго и деликатно «встраивался» в русский литературный процесс, подписывал свои произведения и паспортным именем, и псевдонимом, и криптонимом: М. Ландау, М. Ландау-Алданов, М. Landau-Aldanov, Марк Алданов, М. А. Алданов, М. А., А. М., А. Отчасти это сбивает исследователей и затрудняет атрибуцию произведений.

М. А. Алданов тщательно скрывал факты своей биографии, не оставил мемуаров. Его наследие в виде художественной и документальной прозы, переписки, преимущественно находящейся на Западе, представлено в нескольких библиографических публикациях, устаревших к 2020-м гг.²⁵ Систематизация произведений Алданова была предпринята в работе Людмилы А. Фостер «Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968». Ее двухтомник носил характер обзора, потому естественно, что не были приведены газетные публикации Алданова, не упоминалась критика, исследования алдановского творчества. С 1971 г. по инициативе Т. А. Осоргиной была издана серия персональных библиографий «Русские писатели во Франции». Среди них – труд «Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov», эта работа – в переводе на русский «Марк Александрович Алданов: библиография» – стала первым персональным библиографическим указателем Алданова. Она представила сведения о художественных, научных, публицистических и литературно-критических публикациях писателя, причем даны были описания и русскоязычных, и переводных изданий автора. В указателе были использованы сведения, вошедшие в библиографию Л. Фостер, а также включены работы, связанные с деятельностью зарубежных алдановедов. География одних только русскоязычных изданий различных романов, повестей, рассказов и очерков Алданова обширна: Париж, Берлин, Прага, Рига, Нью-Йорк. Ни в одной библиотеке мира нет собрания всех газет и журналов эмиграции и нет систематизирующих каталогов, которые бы могли помочь составителям библиографии. К настоящему моменту не создано указателя, который восполнил бы пропуски издания, вышедшего в 1976 г. Подготовка такого рода указателя определяет актуальность работы, которая должна быть проделана алдановедами.

В процессе работы над диссертацией приходилось решать проблемы с атрибуцией. Даже свои незаконченные произведения Алданов выпускал в журнале «Современные записки» и одновременно – в рижской газете «Сегодня», потому при переизданиях его текстов даты создания и публикации разнятся. Непроста и судьба самих изданий, в которых печатался Алданов; так, его публикации в газете «Сегодня» дополнялись статьями в другой рижской газете «Понедельник»²⁶, которую со временем «поглощило» «Сегодня». Те же произведения Алданов публиковал в составе собраний сочинений или отдельными изданиями, некоторые его

²⁵ Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968: в 2 т. Boston: G. K. Hall & CO, 1970. Т. 1: А–К. С. 115–124; Cristesco D. Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov = Марк Александрович Алданов, библиография. Paris: Inst. d' études slaves, 1976. XIII, 87 p.

²⁶ См. об этом детальное исследование в изд.: Трубилова Е. М. Русские периодические издания в Латвии. Газета «Сегодня» // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М., 2004. С. 313, 318.

тексты впервые появились на иностранном языке, а уже потом издавались в русских версиях («Ленин», «Бред»). В итоге алдановедение оказалось перед непростой задачей определения даты первой публикации. Художественные и документальные произведения Алданова переведены на множество языков, но до сих пор не учтены зарубежные рецензии, выходявшие как на английском, так и на других языках.

Обнаруженные проблемы заявляют о необходимости решать вопросы изданий библиографических указателей с учетом возможностей цифровизации и Интернета, что будет содействовать не только систематизации материалов по творчеству Алданова и по литературе русского зарубежья, но и ускорению процесса изучения истории литературы в целом.

Работая над исследованием, диссертант пользовался различными монографиями и диссертациями предшественников²⁷, а также многочисленными статьями историков литературы, литературных критиков русского зарубежья. К сожалению, российские библиографические издания, вышедшие через несколько десятилетий после смерти Алданова²⁸, лишь кратко дополняют западные указатели. Наиболее точным и хронологически выстроенным на данный момент является биографический материал «Основные даты жизни и творчества», подготовленный Т. И. Дроновой²⁹.

²⁷ Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова / Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовский гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2011. 180 с.; Дронова Т. И. Марк Алданов // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1 № 2 / редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 440–539; Дронова Т. И. Путь парадоксов Марка Алданова: монография. М.: Флинта, 2020. 256 с.; Макрушина И. В. Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика / АН Респ. Башкортостан. Отд.-ние гуманитар. наук, Стерлитамакский гос. педагогический ин-т. Уфа: Гилем, 2004. 186 с.; Чернышев А. А. Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. М.: Паблик, 2017. 358 с.; Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции / предисл. С. Пестерева, С. Гарциано. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.; Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. 405 p.; Lee C. Nicholas. The Novels of Mark Aleksandrovič Aldanov / University of Colorado. The Hague: Mouton&Co. N.V. Publishers, 1969. 389 p.

²⁸ Алданов [Ландау] Марк Александрович // Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986–1990 гг. М.: Рудомино, 1993. Вып. 1, ч. 1. С. 26–29; Алексеев А. Д. [Алданов Марк] // Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940: материалы к библиографии: Наука, 1993. С. 11–14; Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991: в 3 частях. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 1997. Ч. 1. А–К. С. 32–35.

²⁹ Дронова Т. И. Марк Алданов. Указ. соч. С. 525–532.

И все же многие аспекты вхождения Алданова в русскую литературу открыты или уточнены по разным исследованиям и указателям³⁰. Деятельность Алданова в периодике русского зарубежья, его ключевая роль в открытии «толстых» журналов эмиграции («Грядущая Россия», «Новый журнал»), участие в различных печатных изданиях и литературных событиях эмигрантов уточнялись по библиографическим изданиям общего характера³¹, по архивным материалам «Современных записок»,³² летописям³³ и справочникам³⁴, по исследованиям этапов эмигрантской жизни³⁵.

Эти же обстоятельства мотивировали проводить исследование деятельности писателя как в крупных периодических изданиях русской эмиграции, так и в небольших газетах, сборниках, издававшихся единожды. Диссертантом проведена работа по изучению алдановских публикаций не только в «Современных записках», «Новом журнале», но и в газетах «Сегодня», «Новое русское слово», многие из этих публикаций

³⁰ Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 552 с.; Гентшке В. Л. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 432 с.; Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.

³¹ Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1996 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг. СПб.: Изд-во РНБ, 1996. 199 с.; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995 гг.: дополнения и новые поступления за 1996–1999 гг. СПб.: Изд-во РНБ, 2001. 96 с.

³² «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М.: Новое литературное обозрение, 2011–2014. Т. 1–4.; Указатель имен к росписи содержания «Современных записок» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 450–483.

³³ Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. (1–4). М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997; Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция: в 4 т. (5–8). М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2000–2002.

³⁴ Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 492 с.; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 18–21; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. Писатели русского зарубежья. Стб. 19–23; Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 3. Книги. Стб. 29–45.

³⁵ Русский Берлин. 1920–1945: Международная науч. конференция, 16–18 дек. 2002 г. М.: Русский путь, 2006. 463 с.; Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford: Stanford University Press, 1997. Vol. 13–17.

связаны с рецепцией русской литературы. Однако в целом остаются неизученными статьи и очерки Алданова, опубликованные в берлинских и парижских газетах, в частности – в газете «Последние новости». Особую тему, привлекательную для исследователей, составляют публикации на английском и французском языках, которые подготовил сам М. А. Алданов; множество публикаций в его честь, рецензий на его книги, вышедших в англоязычной периодике, до сих пор остаются непрочитанными русским читателем. Более того, имеются перспективы для изучения рецепции самого М. А. Алданова в Северной Америке или в Западной Европе (в 1920–1950-е гг. – при жизни писателя, и в 1960-е–1980-е гг. – после его смерти).

Вместе с тем этическая, политическая (он был членом народно-социалистической партии) и эстетическая позиции М. А. Алданова во многом были сформированы до эмиграции. Его реакция на произведения русской литературы, на личности русских писателей XIX в. выражена в художественных произведениях, в литературной критике и в огромной переписке. А. А. Чернышев очень точно обозначил важность писем Алданова: «Порою переписка становилась для М. А. Алданова своеобразным полигоном: в ней уточнялись концепции, оттачивались документы, а на последнем этапе они становились частью художественной прозы»³⁶.

Алданов был видной фигурой зарубежья, входившей в многочисленные комитеты празднования писательских юбилеев, поэтому в диссертации учтены его общественная деятельность, речи, интервью, письма, они составили важную источниковедческую основу исследования. В связи с этим диссертант придерживается мнения, что рецепция русской литературы – форма ее восприятия, которое осуществлялось Алдановым и в художественных произведениях, и в документальной прозе, и в общественном служении.

В параграфе 1.2 «*Проблемы восприятия русской литературы XV–XIX веков в прозе Алданова*» показано, что интересы и читательские запросы Алданова связаны как с русской классической литературой XIX в., так и с ранними подступами к ее созданию – литературой древнерусского периода, литературой русского классицизма. О восприятии русской литературы в творчестве авторов зарубежья уже написано немало статей, докторских диссертаций и различных монографий. Среди них наиболее близкие автору данной диссертации – это работы А. В. Громовой³⁷, А. В. Злочевской³⁸, Л. Н. Целковой³⁹. Вместе с тем

³⁶ «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1998/6/vos.html> (дата обращения: 31.05.2019).

³⁷ Громова А. В. Проза Б. К. Зайцева: поэтика жанра и стиля. М.: МГПУ, 2018. 404 с.

термины, используемые в отношении алдановского творчества и наследия русской классики, нуждаются в научном представлении. Диссертант учитывает толкования дефиниции «рецепция», которые содержатся в работах С. Е. Трунина⁴⁰ и М. С. Слоистой⁴¹. В частности, С. Е. Трунин понимает рецепцию как «текст-реакцию», или «текст-отклик»⁴², что включает в себя процесс восприятия произведения другого автора, и текст, созданный реципиентом на основе воспринятого. «Художественная рецепция, в отличие от культурфилософской, представляет собой более узкую форму восприятия, объектом которой выступает художественный текст, а продуктом – интертекст с многочисленными отсылками к первоисточнику в виде аллюзий, реминисценций, цитат»⁴³, – с учетом специфики творчества и общественно-литературной деятельности М. А. Алданова в диссертации значение термина «рецепция» дополняется. Объектом художественной рецепции может являться текст писателя, но способов ее осуществления у М. А. Алданова больше, чем при создании своего интертекста; такими дополнительными способами осуществления художественной рецепции следует признать общественно-литературную деятельность в виде проведения лекций, литературных вечеров, работы в организационных комитетах памяти писателя, а также участие в судах над литературными персонажами. В широком смысле под термином «рецепция» в диссертации понимается восприятие чужого текста, приводящее читателя к собственным суждениям и оценкам этого текста, творческим действиям (включая отзывы в письмах, отклики в публицистических и литературно-критических статьях, рецензиях, создание литературных произведений и реализацию литературно-общественных инициатив, переводов, репрезентацию в других видах искусств).

М. А. Алданов осуществляет рецепцию русской литературы в разных видах: в своей художественной и документальной прозе, в литературно-общественных инициативах; в прозе он ведет себя как комментатор и интерпретатор русской классической литературы. Осознавая высоту намерений русских писателей, эстетическое значение их образов, глубину их художественных идей, благородство помыслов, Алданов выработал

³⁸ Злочевская А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века: моногр. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. 185 с.

³⁹ Целкова Л. Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. М.: Русское слово, 2011. 232 с.

⁴⁰ Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX – начала XXI вв. Минск: Логвинов, 2006. 154 с.

⁴¹ Слоистова М. С. Типология и стратегии креативной рецепции на примере английской поэзии и прозы постмодерна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 110–119.

⁴² Трунин С. Е. Указ. соч. С. 17.

⁴³ Слоистова М. С. Указ. соч. С. 112.

что-то вроде определенного набора приемов, техник, которые в разных видах использовал для своеобразного комментария русской классики в литературных статьях, рецензиях и даже в виде интерпретации сюжетов и образов писателей-классиков в собственной художественной прозе. Благодаря этому крупные эпические произведения М. А. Алданова становятся романами «культуры». Говоря об использовании М. А. Алдановым различных вариантов комментария, диссертант имеет в виду, что писатель применяет слова из произведений русской литературы для комментирования ими событий, атмосферы, поступков собственных персонажей. В таких ремарках, литературных или реальных по своему содержанию, может быть дана не только информация, но и оценка, интерпретация образа, мысли персонажа или поступка писателя. Цитирование русской классики у Алданова происходит так часто, как будто автор обращается не к «чужому слову», а к пословицам, поговоркам, устойчивым сочетаниям слов; однако цитаты могут быть понятны только образованному и эрудированному читателю. Алданов раскрылся как писатель именно в эмиграции, оторванность от родины и использование русского языка и литературы как моста связи с Отечеством превратились в обстоятельства, которые способствовали культурной идентификации художника слова.

Творчество Алданова оказалось одним из средств популяризации русской классической литературы как среди читателей-эмигрантов, так и иностранных читателей. Очевидно, что в русском зарубежье главными личностями, связывавшими эмиграцию с родиной, были представители русской классической литературы, прежде всего А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, в честь которых устраивались празднества, и во многих мероприятиях был задействован М. А. Алданов. Другим писателям русской классической литературы с подобной формой рецепции повезло меньше, однако в художественном и литературно-критическом творчестве эмигрантов русские классики заняли важное место. У того же Алданова можно найти примеры обращения не только к указанным писателям, но к Н. М. Карамзину⁴⁴, Н. М. Языкову, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву, Н. В. Гоголю, Н. А. Некрасову, А. В. Сухово-Кобылину, Н. С. Лескову, А. Н. Островскому, А. П. Чехову, к различным литературным критикам XIX в. По причине такой широкой

⁴⁴ Например, есть мнение, что Алданов, выстраивая художественное время и пространство в тетралогии «Мыслитель», следует «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Марк Алданов прямо отсылает читателя к произведению Карамзина <...>»: Grabińska Gizela (Грабиньска Гизела). «Русские путешественники» Николая Карамзина и Марка Алданова (“Russkie puteszestwenniki” Nikolaja Karamzina i Marka Aldanova). (Publication in a book) // Rosja literacka od Karamzina do Sołżenicyna. Warszawa, 2004. P. 68. (Studia Rossica, XV).

рецепции русской классики творчество М. А. Алданова трудно свести к следованию традиции какого-то конкретного писателя.

В диссертации делается акцент на рецепции, осуществлявшейся в условиях эмиграции первой волны – 1920–1930-х гг., однако в связи с тем, что М. А. Алданов продолжал свое творчество и в 1940-е гг., и в начале 1950-х гг., затрагиваются разные периоды истории литературы. С учетом времени жизни и творчества М. А. Алданова, а также реакции на его произведения со стороны современников, в качестве историко-литературного контекста приводятся литературно-критические статьи эмигрантов первой волны, статьи, опубликованные после смерти писателя в 1950–1960-е гг. Воссоздание различных аспектов рецепции русской классической литературы осуществлялось как по обзорным справочникам, так и по различным мемуарам, воспоминаниям и специальным исследованиям современных литературоведов.

Русские эмигранты-писатели в Европе и на Дальнем Востоке, и в США оказались в роли проводников традиций русской классической литературы; М. А. Алданов с его знаниями европейских языков, литературным и общественно-политическим авторитетом стал, наподобие И. С. Тургенева, своеобразным послом русской культуры в Германии, Франции, Великобритании и США. Ценность этой просветительской работы важна тем более, что в разных европейских странах интерес к России не развивался и вообще упал под воздействием политических факторов. М. А. Алданов поднял различные вопросы рецепции русской литературы в творчестве эмигрантских и европейских писателей в виде переводов с русского языка, театральных постановок и кинематографа. Он рассматривал различные аспекты восприятия русской литературы писателями и обычными читателями и по сути предвосхитил осмысление этой рецепции, последовавшее во второй половине XX в., а также в начале XXI в.

Проблема восприятия русской классики современниками М. А. Алданова – эмигрантами – в большей мере связана с их читательскими предпочтениями и желанием, читая классику, сохранить свою идентичность; проблема ее восприятия зарубежным читателем обусловлена еще и потребностью распознать русскую ментальность и понять историю России. В диссертации объясняется, что один из мотивов рецепции русской классики в творчестве Алданова – это продолжение традиций родной для писателя литературы в эмигрантских условиях, то есть попытка сохранения отечественной культуры за рубежом, выполнение своеобразной мессианской роли. Актуальность подобной рецепции была очень остра особенно в 1920–1930-е гг. с учетом того, что в начале 1920-х гг. в Советской России отношение к дореволюционной литературе было негативным, «для ее лучших вещей характерно почти полное забвение

линии Тургенева и Толстого и память о Гоголе и Достоевском, воспринимаемых через Ремизова и Белого»⁴⁵.

Содержание **второй главы «Доклассическая литература в творчестве Алданова»** описывает рецепцию древнерусской литературы и литературы «московского периода русской истории». Наиболее частотными из всех «древних» авторов в творчестве Алданова являются обращения к Нилу Сорскому и протопопу Аввакуму, чему в структуре диссертации посвящены соответствующие параграфы. У Алданова основой для восприятия русской классической литературы стали авторы-просветители, поэтому во второй главе изучается русская литература XVIII в., представленная в алдановском творчестве именами и трудами М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Г. Р. Державина.

Первый параграф 2-й главы *«Поэтика образа Нила Сорского в прозе Алданова»* посвящен изучению рецепции наследия Нила Сорского в литературно-критической статье и романе писателя. Одно из очевидных обращений М. А. Алданова к древнерусской литературе обнаруживается в неопубликованной при его жизни статье. Он считал, что у русской литературы был «огромный заряд “духовности”, уходящий далеко в глубину веков»⁴⁶. В качестве примеров, «заряжающих» своей энергией, Алданов приводит слова из «Поучения Владимира Мономаха», «Устава о скитской жизни» Нила Сорского, «Жития протопопы Аввакума». Образ Нила Сорского приобрел художественное воплощение в романе позднего периода творчества Алданова «Бред». В данном произведении М. А. Алданов обратил внимание на изменение сознания и сдвиги в поведении общества разных эпох – Средневековья и современного ему XX в. Писатель показал, как идеи подвижника воспринимаются современниками. Наташа, героиня романа «Бред», занята исследованием истории русской религиозной мысли, она изучает тему стригольников, жидовствующих, нестяжателей, а ее жениху, разведчику Шеллю, открывается духовная связь между деятельностью Нила Сорского и делами его потомка – советского ученого Майкова. Наташа интуитивно ощущает внутреннюю потребность в учении старца, чье слово приобретает спасительный характер, убеждая ее в необходимости веры; Шелль, напротив, относится к вере и исследовательскому интересу Наташи как к признакам ее чудаковатой, но милой русской натуры, все это его не отталкивает, но заставляет задуматься, остановиться на грани безысходного отчаяния. Благодаря учению Нила Сорского в романе – едва ли не впервые в алдановском творчестве – раскрыта тема духовного

⁴⁵ Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 362.

⁴⁶ Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 165.

преображения. Благодаря включению в повествование рефлексии о сочинениях и подвижнической деятельности Нила Сорского текст Алданова приобретает черты, обогащающие жанр политического романа историческими и провиденциальными, эсхатологическими мотивами.

Во втором параграфе 2-й главы *«Протопоп Аввакум в публицистике и художественной прозе Алданова»* речь идет о комментировании и интерпретации наследия Аввакума. В публицистической книге *«Армагеддон»*, из-за запрета большевиков, изданной несколько десятилетий спустя⁴⁷, Аввакум называется предтечей Ленина. Позднее в очерке *«Советские люди (в кинематографе)»* подобное высказывание будет применено при характеристике «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Цитируя «дружининский» автограф *«Жития Аввакума...»*, Алданов допускает грубую контаминацию образов Ленина и Аввакума. В сборнике *«Огонь и дым»* он использует сведения из биографии Аввакума, чтобы создать образ Ленина-«раскольника»⁴⁸. Протопоп, отстаивающий традиции старого церковного уклада, вносится автором в список тех исторических героев, которые препятствовали естественному развитию жизни, именно потому в их деятельности критик видит предвестие большевизма. В очерке *«Третий Рим и Третий Интернационал»* Аввакум указан в перечне удалых бунтовщиков. Тем более необычным окажется его образ в сознании М. В. Ломоносова, персонажа повести *«Пуншевая водка»*. В ней Алданов передает рассуждения Ломоносова об Аввакуме, мысли Аввакума помогают ученому обрести цельность, осознать смысл жизни. Никем не признанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с тайным представлением о счастье умирающего Ломоносова, который размышляет о «о самосожжении во имя счастья других»⁴⁹. Образ Ломоносова обретает метафизическую глубину благодаря подразумеваемому диалогу с Аввакумом. Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено Алдановым в книге *«Ульмская ночь»*. В «Диалоге о русских идеях» стиль Аввакума сопоставляется со стилем старца Нила Сорского и опального князя-эмигранта Курбского⁵⁰. «Аввакумовщина» – это признак неуступчивости, оковы жизни, который наряду с «достоевщиной», «окуровщиной» не принимается свободолюбивым сознанием М. А.

⁴⁷ Алданов М. А. *Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников*. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.

⁴⁸ Алданов М. А. *Огонь и дым*. Париж: Изд-во «Франко-русская печать», 1922. С. 75.

⁴⁹ Шадурский В. В. Анализ и интерпретация повести М. А. Алданова *«Пуншевая водка»* // *Производство смысла: сб. статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко*. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. С. 351.

⁵⁰ Алданов М. *Собрание сочинений: в 6 кн.* М.: Новости, 1996. Кн. 6. С. 363.

Алданова. Аввакумовская рецепция продолжена в «Повести о смерти». Этот роман содержит всего несколько ассоциаций с «Житием», подчеркивая верность и преданность героини, ведущей себя подобно жене Аввакума. Можно увидеть тенденцию того, как образ Аввакума воплощается в разных текстах М. А. Алданова. В первых публицистических работах выражена озлобленность на советскую власть, подчеркнута антибольшевистская позиция, эмоции определили выбор художественных средств. Отрицательные черты Аввакума собраны Алдановым для того, чтобы выразить еще большее неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» – В. И. Ленина. По мнению Алданова, в характерах этих исторических деятелей общим является разрушительная страсть, различия их небольшие: Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин – живет ненавистью и является источником социального и политического зла. Содержание аввакумовской рецепции Алданова не столько объемно, как его восприятие А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского или А. П. Чехова. Но в древнерусской литературе он отыскивал то, чего не находил даже в творчестве Л. Н. Толстого, ведь «думы о смерти каким-то образом сочетались в нем с отсутствием способности к вере, как внутреннему озарению, сопереживанию и диалогу с Творцом»⁵¹. В ней же М. А. Алданов обнаруживал огромный заряд духовности. Использование этого «заряда» было нужно М. А. Алданову для культурной и духовной самоидентификации – ощущения себя частью русской культуры.

Третий параграф «*Образ М. В. Ломоносова в повести “Пуншевая водка”*» вобрал в себя наблюдения за художественной репрезентацией образа гениального ученого в алдановском произведении. М. А. Алданов, который, подобно другому «русскому европейцу» – И. С. Тургеневу, находился под сильным влиянием либеральных идей Запада, был картезианцем, поклонником идей эпохи Просвещения, много внимания уделил русским просветителям, а также представителям классицизма. Ему импонировали писатели, отличившиеся вольнолюбивыми взглядами, передовыми идеями, независимостью, неоднозначностью, создававшей ореол загадочности. М. В. Ломоносов изображен высоким по духу и загадочным персонажем. Его волнует несгибаемая сила, с которой человек отстаивает свою правду и обретает мученическое счастье, подобное тому, что испытывает горящий в костре Аввакум. Пунктирно изображенная судьба Ломоносова – это повествование о счастье, которое каждый раз подвергается сомнению каким-то высшим разумом. М. В. Ломоносов – это мыслитель, и «Пуншевая водка» становится философской повестью во

⁵¹ Уральский М. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. С. 133.

многим благодаря мыслям русского ученого. Повесть – это история о разуме, который переживает за пять чувств человека, за их наполненность счастьем. В романе «Живи как хочешь» и философском трактате «Ульмская ночь» будет подчеркнута избранность и ученого, и поэта. М. А. Алданов создал образ М. М. Ломоносова как предмет своей мировоззренческой рефлексии и как героя произведения, избежав мифологизации. Его значение в рефлексии М. А. Алданова связано с необходимостью представить мнение ученого о смысле жизни, о том, что такое счастье – о вопросах, которые наиболее обострились в эмиграции.

В параграфе **2.4. «Рецепция Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова в переписке и прозе Алданова»** показано, что в прозе М. А. Алданова Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев и Н. И. Новиков не представлены в виде персонажей, но объяснено, почему их личности и поступки вызвали интеллектуальную реакцию писателя – преимущественно в переписке и книге философских диалогов «Ульмская ночь». В частности, писатели-интеллектуалы А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, оказавшиеся в опале за инакомыслие, могли привлечь Алданова-эмигранта своим свободолобием и бунтарским характером. Поведение А. Н. Радищева обсуждают персонажи алдановского романа «Девятое Термидора», в вину ему вменяя французскую «заразу», а по сути – идеи просветителей о свободе мысли, те самые идеи, которые близки самому М. А. Алданову. В очерке «Поездка Новосильцева» Алданов с иронией показывает интеллектуальную и эмоциональную близость монарха и врага монархии, причудливость ситуации, которая могла возникнуть только в России XIX в.: «Если судить по записям Строганова, то Александр I был даже самым “левым” из членов Комитета. Собственно, лишь по стилю и можно отличить то, что тогда говорил царь, от того, что писал Радищев»⁵². В «Загадке Толстого» М. А. Алданов рассуждает о человеческом разуме и о том, как по-разному его воспринимали гении человечества, и обращается к историческому курьезу – «либеральному» поступку императрицы Екатерины Великой, который по-настоящему могли бы оценить только ее враги А. Н. Радищев и Н. И. Новиков. Знание исторических анекдотов, связанных с русскими писателями, позволило М. А. Алданову показать свою эрудицию и создать иронические сцены в очерках и исторических романах.

Вторую главу завершает параграф **2.5. «Г. Р. Державин в творчестве Алданова»**. Так же, как и в случаях с другими писателями XVIII в., особенности репрезентации образа Г. Р. Державина в произведениях М. А. Алданова представлены в диссертации с опорой на историко-литературный контекст русского зарубежья. М. А. Алданов не обошелся одними только упоминаниями великого поэта и

⁵² Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. М.: Новости, 1994. Кн. 1. С. 134.

цитированием его стихов. Алдановская репрезентация автора «Фелицы» позволяет воспринимать его именно в рамках культуры XVIII в.; по Алданову Г. Р. Державин – поэт-современник Екатерины Великой и государственный деятель эпохи классицизма, ярчайшая личность века классицизма, времени открытий, просветительских идей. В разных текстах, образовавших в 1920-е гг. тетralогию «Мыслитель», М. А. Алданов не только упоминает поэта, но даже создает образ-персонаж Г. Р. Державина. В романе «Девятое термидора» он представлен с двух точек зрения: повествователя и невежественного героя-авантюриста Штааля. Алдановский повествователь иронически передает потаенное сознание Державина, якобы «мечтающего» на светском приеме о получении любимой стерляди. В тексте романа молодой человек произносит «великому сочинителю» что-то вроде комплимента и в ответ получает только хмурый взгляд, потому что Державин «...любил быть при дворе сановником, а не поэтом»⁵³. Вместе с тем наблюдательность повествователя оказывается вездесущей, при чтении стихов, написанных императрицей, он видит даже подобострастное выражение лица искушенного царедворца: «Гости точно ждали, застыв от восхищения. А Гавриил Романович Державин даже зажмурил от восторга глаза, услышав два прочтенных Нарышкиным стиха императрицы»⁵⁴. В другом эпизоде этого романа «Чертов мост» молодые люди, находясь во дворце князя Безбородко, обсуждают стихи Г. Р. Державина, иронически посвященные хозяину; М. А. Алданов цитирует две последние строфы державинского стихотворения «Крезов Эрот», то есть его герой как бы показывает знание стихов, видимо, из-за своей пикантности быстро распространившихся среди охочих до такой информации молодых людей. У М. А. Алданова поэт представлен остроумным, но безжалостным царедворцем. Г. Р. Державин оказывается включенным в ритм событий времени, более того, Алдановым раскрывается ироничная подоплека создания стихов, «оперативно» запечатлевших слухи о «мужских» проблемах Безбородко. М. А. Алданов изобразил комичную сцену, полную драматизма, из которой, однако, Безбородко выходит с честью, посрамив своих обидчиков, в том числе и самого поэта. В повести «Святая Елена, маленький остров» просвещенный граф де Бальмен цитирует державинское стихотворение «Орел», его реакция на стихи – живой отклик современника, на глазах которого раскрывается еще не узнаваемый гений А. С. Пушкина, но звезда Г. Р. Державина уже погасла. Таким образом, в разных частях тетralогии М. А. Алданова «Мыслитель» Г. Р. Державин предстает в виде эпизодического героя, к которому современники не испытывают должного пиетета, в условиях отсутствия временной

⁵³ Там же. С. 85.

⁵⁴ Там же. С. 87.

дистанции Г. Р. Державин не кажется им великим поэтом, достойным славы. В очерке «Сперанский и декабристы» имя поэта-политика упоминается в ряду тех, кто был противником «гениального бюрократа»⁵⁵. Г. Р. Державин оказался среди очернителей М. М. Сперанского по субъективным и специфическим причинам: его, как искушенного царедворца, поведение государственного секретаря выводило из себя потому, что тот мог быть замешан в коррупционном деле. В очерке «Поездка Новосильцева» М. А. Алданов представит только одну черту Державина – политика, ретрограда, который не мог быть в восторге от перемен, задуманных либеральной молодежью, в частности – деятельностью организованного Негласного комитета (в шутку называвшегося «Комитетом общественного спасения»). И напротив, в очерке «Юность Павла Строганова» М. А. Алданов покажет, что знакомство с Г. Р. Державиным воспринимается как общение с великим человеком, с выдающимся деятелем государства, фигурой, знаковой для истории России. Героиня романа «Бред», прошедшая ад фашистского лагеря, но сохранившая чистоту и веру, читала понравившемуся ей мужчине милые и беззаботные стихи Державина «Русские девушки». В момент произнесения стихов казалось, что и ее смертельная болезнь может быть побеждена – столько силы и жизни в поэзии «Певца Фелицы». Имя Г. Р. Державина упоминается не только в произведениях, но и в переписке М. А. Алданова. В письме И. А. Бунину приводились строки стихотворения Г. Р. Державина «Аристиппова баня», чтобы поддержать писателя, переживающего упаднические настроения. На примере художественной и документальной прозы, переписки М. А. Алданова можно увидеть, что он сформировал своеобразный образ Державина – и как персонажа, и как поэта, и как государственного деятеля.

В целом писатели XVIII в. через призму восприятия М. А. Алданова превратились в свидетелей эпохи. Читатель с помощью знаний, наблюдений и остроумных исторических параллелей автора получил возможность увидеть историю живой, почувствовать ее эмоции. Вместе с тем нелогичные поступки, нелепые ситуации, неразумные мотивы поведения героев в изображении М. А. Алданова показывают иронический подход автора. Этот подход определен не желанием их изобличить и унижить, а скепсисом в отношении адекватного восприятия современниками масштаба их деятельности, а также пониманием искренности, но тщетности их усилий по разумному усовершенствованию мира.

Третью главу «Литература первой половины XIX века в восприятии Алданова» составили наблюдения за рецепцией русской литературы первой половины XIX в., осуществленной в алдановской

⁵⁵ Там же. С. 246.

критике и художественном творчестве. В ней внимание уделено отражению личностей А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, а также восприятию их образов и приемов.

В параграфе 3.1. «*А. С. Грибоедов в творчестве Алданова*» дается ответ на вопрос, почему Алданов не написал об А. С. Грибоедове отдельной работы. Алдановская оценка личности А. С. Грибоедова выражена в небольших репликах, характеризующих персонажа или ситуацию. Это происходит в повести «Святая Елена, маленький остров». У М. А. Алданова, всегда интересовавшегося интеллектуальной историей, был устойчивый интерес к прототипу Чацкого – П. Я. Чаадаеву. В «Армагеддоне» и в писательских наблюдениях «Из записной тетради» ему будут посвящены отдельные страницы. М. А. Алданов интересовался судьбой прототипа грибоедовского персонажа, настолько, что мог обнаружить «маленькую неточность» даже в работе авторитетного исследователя: «...М. Л. Гофман сообщает, что Чаадаев был “объявлен сумасшедшим и заключен в дом умалишенных”, – вторая часть этого утверждения неверна»⁵⁶. В повести «Святая Елена, маленький остров» обыгрывается и принадлежность Грибоедова масонству. Слова об А. С. Грибоедове, которые прозвучат в алдановском очерке о М. А. Осоргине⁵⁷, будут повторены в «Ульмской ночи»⁵⁸. Ассоциации с грибоедовскими героями приводятся в очерке «Ольга Жеребцова», в романах «Ключ», «Бегство». Браун, герой трилогии М. А. Алданова, равнодушный к судьбе России, осознает, какой несвоевременной оказывается его жизнь, психологически он близок Чацкому. И наоборот, Декарт в изображении Брауна является антиЧацким, потому как он придерживается иного закона общения, еще сформулированного древними римлянами: хорошо живет тот, кто скрытен. Философ никогда не станет бунтарем: «Кому этот мир не нравится, тот в любую минуту волен уйти в другой: незачем отравлять жизнь себе и товарищам по сомнительному несчастью. В месте же общественном, как эта планета, надо вести себя по правилам»⁵⁹. Декарт в интерпретации алдановского Брауна – это современное понимание и отрицание позиции Чацкого, которая привела в пещеру, откуда нет обратного пути. Грибоедовские мотивы открываются в современных, политически заостренных произведениях М. А. Алданова: романе «Начало конца», в котором разведчику Вислиценусу в отличие от Чацкого и «прислуживаться» и служить «тошно»; в романе «Истоки» персонаж Мамонтов не к месту умничает, вспоминая слова о «дыме

⁵⁶ Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Hofmann M. L. Pouchkine / traduction de Nicolas Pouchkine. Paris: Payot, 1931 // Современные записки. 1932. № 48. С. 478.

⁵⁷ Алданов М. Собрание сочинений: в 6 кн. М.: Новости, 1996. Кн. 6. С. 537.

⁵⁸ Там же. С. 348.

⁵⁹ Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 4. С. 384.

отечества»); в романе «Живи как хочешь» вспоминаются и Молчалин, и Скалозуб как образы, вызывающие у Виктора Яценко ассоциации с большевистским холопством. Общее направление восприятия грибоедовского слова в творчестве М. А. Алданова – это представление о том, как ум современного человека, желающего открыть истину, становится опасным оружием, способным истребить счастье и человечность. В творческом сознании автора «Армагеддона» запечатлелся всего один текст главной грибоедовской комедии. Признаком цитирования других драматических произведений и лирики А. С. Грибоедова диссертантом не обнаружено. М. А. Алданов сторонился поэзии, говорил, что не понимал ее, хотя писал о ней в различных рецензиях. Очевидно, что эта алдановская отстраненность не позволяла постичь всего А. С. Грибоедова в лирико-драматическом масштабе.

В параграфе 3.2. «Рецепция А. С. Пушкина в художественной прозе и литературной критике Алданова» для понимания форм пушкинского восприятия в творчестве эмигранта-Алданова в диссертации рассмотрен историко-литературный контекст. О непосредственном отношении к А. С. Пушкину и его наследию проанализирована информация из публицистических статей и очерков М. А. Алданова: «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)», «Пушкин на итальянской сцене», «О “Памятнике”», «Пикар».

Дана характеристика истории обращения М. А. Алданова к произведениям А. С. Пушкина на протяжении всего творчества. В предлагаемую М. А. Алдановым «табель о рангах» русских писателей XIX в. А. С. Пушкин не вошел: была указана причина: «...главное и бессмертное в Пушкине – его стихи – никому, кроме русских, не доступно»⁶⁰. В статье «Сто лет русской художественной прозы» Алданов назовет поэта «одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю»⁶¹.

Внимание диссертанта было обращено не на одиночные упоминания имени А. С. Пушкина, которые встречаются в критических статьях М. А. Алданова, но на раскрытие целой пушкинской темы в его художественном творчестве. Идеи и образы Пушкина всегда занимали важное место в алдановском литературно-критическом в художественном творчестве. В сборнике «Армагеддон» персонаж Писатель то выказывает знание пушкинского эпистолярия, то цитирует «Капитанскую дочку», то осмысляет известное пушкинское изречение о бунте. В очерке о В. Г. Короленко Алданов для сравнения упоминает Пушкина и обнаруживает, что по критерию отсутствия фактических ошибок проза

⁶⁰ Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12. С. 169.

⁶¹ Там же. С. 165.

Короленко превосходит пушкинскую. Путевые впечатления Алданова, публиковавшиеся в 1931 г. под заглавием «Голландские домики» в рижской «Сегодня» и нью-йоркском «Новом русском слове», оказались насыщены аллюзиями на пушкинские тексты и цитатами из его произведений, они вместили в себя и целый отзыв о поэме «Медный всадник». Эту поэму М. А. Алданов охарактеризовал с использованием своего критерия «правдоподобие», но отметил особый переход А. С. Пушкина от пресловутого реализма: «Думаю, что чисто политическое толкование “Медного всадника” для него слишком узко. <...> Однако и Пушкин, и Рембрандт верно сумели бы, в случае надобности, сделать свое произведение несколько более правдоподобным. Очевидно, это им было ненужно. В школьных терминах скажем, что некоторая (не очень большая) доля неправдоподобия способствует превращению реалистического искусства в символическое»⁶². В книге «Земли, люди» Алданов передает внешность увиденных им банковских служащих лондонского Сити: «У них у всех вид, как у пушкинской русалочки: “но что такое деньги, я не знаю”»⁶³. Память М. А. Алданова настолько активно достает из его читательского багажа примеры для изображения деталей, что этой ассоциативности можно позавидовать. Так, цитата из пушкинской поэмы «Русалка», с одной стороны, показывает литературность мышления Алданова, воспринимающего реалии другой страны, с другой стороны, она обращена к русскому читателю, который не только читал А. С. Пушкина, но и должен хорошо помнить эпизоды его произведений.

В повести «Десятая симфония» вспоминается, как Дантесу слава убийцы парадоксально помогла успешно устроиться во Франции. Обращено внимание и на высказывание И. Л. Тартака, который указал на изменения в стиле самого Алданова, совершившего после публикации этой повести «...окончательный переход от приемов, которые можно было назвать толстовскими, к приемам пушкинским...»⁶⁴. В уже упомянутой рецензии на биографию М. Л. Гофмана дана характеристика мечте М. А. Алданова – адекватному пониманию личности А. С. Пушкина и его творчества, без искажения европейскими переводами и интерпретациями⁶⁵. Вместе с тем Алданов замечает, что образ поэта передать очень трудно, так как он один из самых «сложных людей, когда-либо существовавших на

⁶² Алданов М. Голландские домики. Путевые впечатления // Новое русское слово. 1931. № 6776 (16 авг.). С. 2, 7.

⁶³ Алданов М. Земли, люди. Берлин: Слово, 1932. С. 228.

⁶⁴ Тартак И. Л. О Новом Алданове («Десятая симфония» М. Алданова) // Новое русское слово. 1931. № 6811 (20 сент.) С. 10.

⁶⁵ Алданов М. А. [Рецензия на книгу] Hofmann M. L. Pouchkine / traduction de Nicolas Pouchkine. Paris: Payot, 1931 // Современные записки. 1932. № 48. С. 478.

земле»⁶⁶. Вряд ли Пушкин будет понятен иностранцу, если он еще не понятен нам самим.

Имя М. А. Алданова встречается в числе участников мероприятий, чествующих память А. С. Пушкина во Франции, в Сорбонне,⁶⁷ на Дне русской культуры⁶⁸, на творческой встрече с читателями⁶⁹. Лирика А. С. Пушкина подвигла М. А. Алданова на то, чем он не занимался в отзывах и критических статьях о других писателях: он мало писал о творчестве поэтов, но осуществил анализ пушкинского стихотворения на высоком филологическом уровне. К юбилею со дня гибели А. С. Пушкина М. А. Алданов как член Центрального Пушкинского Комитета в однодневной газете «Пушкин», публикует другую статью «О “Памятнике”». Анализируя знаменитое пушкинское стихотворение, он отмечает его противоречивость, несвойственные поэту тон и стиль. В диссертации показано, что М. А. Алданов не посвящал А. С. Пушкину спорадические публикации, появление которых может быть объяснено разными интересами критика. Поэт изображается без мифологизации, присущей алдановским современникам. М. А. Алданов не боится указать на пушкинские промахи в разных произведениях, наверное, потому автор «Капитанской дочки» не становится для него образцом писателя, отображающего правду. И все же при всех алдановских указаниях на ошибки А. С. Пушкина видна трезвая оценка его личности и творчества, сочетающаяся с почтительным отношением к поэту.

В художественных произведениях М. А. Алданова многие персонажи знакомы с пушкинским творчеством, они соотносят события личной и общественной жизни с событиями, изображенными А. С. Пушкиным, обнаруживают у классика слово или ситуацию, близкие их мировосприятию. Имя поэта упоминается разными персонажами алдановской прозы, начиная с трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера» и продолжая в романе «Начало конца», а затем в послевоенных текстах – романах «Истоки», «Живи как хочешь», в итоговой книге «Ульмская ночь», в романе «Самоубийство». Тайна торжества случая, приоткрытая в повести «Пиковая дама», является основой алдановского представления о случае в истории. Рассуждения М. А. Алданова о пушкинской повести становятся одним из объяснений того, почему для эмигрантов русская классическая литература оставалась непреходящей ценностью.

Алдановские персонажи во многом продолжают мысли А. С. Пушкина и его героев. Их единичные критические высказывания всегда «санкционированы» автором, но, чтобы не было «снижения»

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция: в 4 т. М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997. Т. 1. С. 141.

⁶⁸ Русское Зарубежье. Указ. соч. С. 344.

⁶⁹ Там же. Т. 3. С. 34.

Пушкина в глазах читателя, Алданов отстраняется от мировоззрения своих персонажей. Благодаря внимательному чтению пушкинских произведений он обогащал свое творчество и помогал эмигрантскому читателю становиться разумнее. Конструктивный характер критики в отношении пушкинского творчества, внимание к личности и судьбе великого поэта в значительной степени сказались на художественном таланте самого М. А. Алданова. Рецепция А. С. Пушкина проявилась прежде всего на интертекстуальном уровне, вместе с тем рецепция осуществлялась и глубже: пушкинское мировидение, художественные приемы и принципы дали М. А. Алданову многое для эволюции прозы, для перерастания границ беллетристики и вхождения в литературу первого ряда. В этом отношении он выступил не только как комментатор, интерпретатор произведений А. С. Пушкина, но и как преемник содержания и поэтики его прозы.

Параграф 3.3. *«Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в алдановском восприятии»* посвящен рефлексии по поводу лермонтовского наследия. Рецепция М. Ю. Лермонтова проявлена М. А. Алдановым в литературно-критических статьях, рецензиях, где упоминалось имя поэта, и в художественной прозе: в трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», в романах «Бред» и «Самоубийство». Ассоциации с главным персонажем романа «Герой нашего времени» пригодились Алданову для написания статьи, в которой отражается темная сторона личности молодого Л. Н. Толстого, поведение Толстого названо своеобразной болезнью – «печоринством». Алданов упоминает не только известный роман Лермонтова, но и поэму «Демон», стихи «Тамбовская казначейша».

Рационалисту М. А. Алданову трудно согласиться не с романтическими героями М. Ю. Лермонтова, а с романтическим типом поведения взрослых современников. В романе «Живи как хочешь», изображая экзальтированных персонажей, воспитанных романтическими стихами, М. А. Алданов прибегает к сатире. Выбор стихов Лермонтова, которые читают его персонажи, в большей степени помогает раскрытию их психологии. Необычные образы М. Ю. Лермонтова сказываются на самооценке, рефлексии алдановских персонажей, рассуждающих о естественности или искусственности положений, в которые они попадают. Более всего аллюзий на личность и творчество Лермонтова обнаружено в романе «Самоубийство».

Противоречивость рецепции М. Ю. Лермонтова в творчестве М. А. Алданова имеет определенную историю и вписывается в культурный контекст; ему наряду с психологизмом важна особая воодушевленность Лермонтова. Алданову не суждено было получить дар веры, но его прозе свойственна потаенная особенность, необычная для рационального писателя. Она состоит в том, что алдановских персонажей наполняет

великая тоска лермонтовского Печорина, неизбывная печаль и сожаление, что человеку, живущему чистым сознанием, жизнь не приносит подлинной радости. Именно потому из всех поэтов, писавших о душе, М. А. Алданов всерьез мог читать только М. Ю. Лермонтова, который словно объяснял, почему ему не хватало веры в чудо, почему не было возможности обрести успокаивающую веру.

Четвертый параграф этой главы *«Алданов как интерпретатор Н. В. Гоголя»* представляет наблюдения о гоголевской рецепции, осуществленной в творчестве М. А. Алданова. «Гоголевского» в текстах М. А. Алданова немало. В романе «Заговор» история алдановского персонажа Штааля становится кривым зеркалом сюжета о Башмачкине. Повесть «Тарас Бульба» получает экспрессивные оценки персонажей М. А. Алданова в очерках «Убийство Урицкого» и в «Картинах октябрьской революции». В романе «Истоки» гоголевский текст помогает создавать персонажу-террористу романтический ореол мученика, гибнущего в борьбе за свободу. Разнообразны способы «освоения» гоголевской поэмы «Мертвые души»: от риторических приемов (использование цитат в качестве аргументов) до применения в характеристике персонажей (критика характеров романа). В книге «Армагеддон» М. А. Алданов использует ассоциации с поэмой Н. В. Гоголя для выражения «геополитических» наблюдений. Мысли об относительности в политике приобретают большую убедительность благодаря ассоциации с гоголевскими образами. В письме Г. В. Адамовичу 15 июля 1947 г. гоголевского «боголюбивого откупщика Муразова» М. А. Алданов назовет одним из «крайних» персонажей в русской литературе⁷⁰ и по сути увидит в нем исключение из правил. Интерпретация творчества Н. В. Гоголя встречается в романе «Начало конца», одного из главных героев которого, профессионального революционера Вислиценуса, раздражает «болтливость» автора «Мертвых душ». Гоголя он называет обманщиком – талантливым, гениальным, но без идеалов. Аллюзии на гоголевскую поэму встречаются в романах «Истоки» и «Самоубийство». Гоголевская тема была предметом обсуждения М. А. Алданова с Н. А. Тэффи, В. В. Набоковым.

Воспринимая Н. В. Гоголя как мастера, М. А. Алданов не становится ни его апологетом, ни продолжателем его традиций, более того, он полемизирует с ним. Гоголевская точка зрения на путь России будет оспорена М. А. Алдановым. Он критически воспринял вольности Н. В. Гоголя в обращении с историей и, отзываясь о стиле автора «Мертвых душ», сочетание романтической восторженности с натуралистичностью сцен назвал искусственным. Критик не прощает Н. В.

⁷⁰ «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М. А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 158.

Гоголю даже малейшей фальши, хотя именно два тома «Мертвых душ» помогли Алданову оживить своих героев, выразить диалектику характеров в романах «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство». М. А. Алданов никогда бы не согласился с идеалами позднего Н. В. Гоголя, как и в целом – с религиозным смыслом человеческой жизни.

В четвертую главу «Литература второй половины XIX века: комментарии и интерпретации Алданова» вошли наблюдения за русской литературой второй половины XIX в. в алдановской литературно-критической деятельности и художественном творчестве. Она посвящена творчеству А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, ставшими объектами рефлексии М. А. Алданова.

По причине эпизодичности обращения в диссертации не выделяются в отдельные главы и параграфы случаи рецепции Ф. И. Тютчева⁷¹, С. Т. Аксакова⁷², Н. И. Некрасова, Н. С. Лескова, А. Н. Островского⁷³, хотя в различных фрагментах нашего исследования раскрывается алдановское отношение к ним и их творчеству.

Открывает эту главу параграф 4.1. «Слово и дело А. И. Герцена в восприятии Алданова». Позиция М. А. Алданова в отношении к герценовской традиции была заявлена еще в ранней книге «Огонь и дым». Самым большим герценовским интертекстом обладает роман «Истоки». В романах «Бред», «Самоубийство» тексты А. И. Герцена превращаются в объекты цитирования. С точки зрения М. А. Алданова, нахождение писателя на родине или на чужбине не сказывается на его «внутреннем моральном значении», А. И. Герцен – как раз из тех писателей, у которых эмиграция такое моральное значение «не отняла». Благодаря его деятельности М. А. Алданов демонстрирует убежденность в правоте своего выбора жизни за пределами родины. Рецепция герценовского «слова» проявляется в публицистике, литературно-критических статьях, очерках, романах М. А. Алданова. Она становится многоаспектной: цитаты из произведений А. И. Герцена превращаются то в аргумент, то в инструмент критики, то в средство рефлексии главного персонажа. В нашем исследовании утверждается, что алдановское отношение к либеральным ценностям отчасти обусловлено воздействием А. И. Герцена. Вместе с тем А. И. Герцен для М. А. Алданова – это писатель, политик, который совершал ошибки, но сделал главное – своей жизнью утвердил традицию российского свободного слова, столь ценимую русскими

⁷¹ См.: Алданов М. Большая Лубянка // Алданов М. Большая Лубянка. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 150.

⁷² См.: Алданов М. Бред // Алданов М. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 676–678,

⁷³ См.: Алданов М. Бред. Указ. соч. С. 649, 656, 659, 660.

эмигрантами – ценность, которой, на их взгляд, столь не доставало советскому писателю и читателю.

Четвертая глава продолжается параграфом **4.2. «И. С. Тургенев и “литературный шоколад”»**. Алдановская рецепция И. С. Тургенева в сравнении с рецепцией А. И. Герцена – это еще более длительный и более сложный процесс. М. А. Алданов цитировал его письма, использовал образы его романов и повестей как в литературной критике, публицистике, так и в художественной прозе. Вместе с тем ощущение собственного литературного дара и права на критическое суждение дало М. А. Алданову возможность высказывать мнение не только о достоинствах Тургенева-писателя, но и о недостатках приемов его поэтики. Отношение к Тургеневу не изменяется, однако от рецепции тургеневских идей и мотивов в публицистике и литературной критике в 1918–1940-х гг. Алданов переходит к рецепции художественных образов И. С. Тургенева в больших эпических формах в 1950-е гг. Доброта, нравственность героев тургеневских произведений, деликатность художественного слова писателя словно передаются миру персонажей алдановских романов. Вместе с тем тургеневскую искусственность в номинации героев и в построении некоторых сцен, сентиментальную слащавость стиля М. А. Алданов именует «литературным шоколадом». Но даже рассуждения о наличии «литературного шоколада» в творчестве И. С. Тургенева не бросают тени на его величие, они показывают разные возможности его восприятия, в том числе живое, неравнодушное постижение тургеневских образов и стиля в литературно-критической и художественной прозе М. А. Алданова.

Параграф **4.3. «Стилистическая эклектика: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой»** состоит из трех разделов и посвящен рассмотрению стилистической эклектики, тому, как традиции Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого оказались отрефлексированы в критике М. А. Алданова и даже использованы в его творчестве

По причине изученности и широкого представления темы «Алданов и Лев Толстой» в работах алдановедов последних лет рецепция Л. Н. Толстого не выделена в отдельную монографическую главу, но сопоставлена с рецепцией Ф. М. Достоевского, поскольку именно в отношении к Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому как к разным «полюсам» русской литературы определилось, прояснилось мировоззрение М. А. Алданова и обозначились его эстетические предпочтения. Кроме М. А. Алданова ни один писатель русского зарубежья не отличался подобным объединением тем, образов таких разных художников слова.

В первом разделе **4.3.1. «Интерпретация “слова” Достоевского»** показано, как умные, рефлектирующие герои М. А. Алданова страдают от внутренней пустоты. Конечно, своеобразное

кредо алдановских одиночек – сохранять человеческое достоинство и следовать принципу человеколюбия (без религиозной идеи, без объединяющей веры) – не может быть заменой человеколюбивых воззрений, предлагаемых Достоевским. М. А. Алданов, как и Ф. М. Достоевский, пытается найти в человеке силы, которые бы могли уберечь его от нравственной катастрофы. Казалось бы, герои М. А. Алданова найдут такое спасение в альтруизме. Но сознательное самопожертвование обнаруживается только у нескольких женских персонажей М. А. Алданова (Кременецкая в трилогии, Ласточкина в «Самоубийстве», Наташа в «Бреде» – их судьбы вызывают жалость), в то время как персонажи мужчины, желая сохранить достоинство, уходят из жизни добровольно. Такие уходы – предвестие страшных патологий человечества, которые не прекращаются даже в новом столетии. Не разделяя христианских принципов Ф. М. Достоевского, М. А. Алданов видел искусственность многих ситуаций, над разрешением которых бился Ф. М. Достоевский как политик и общественный деятель, и к тому же сомневался в перспективе религиозных идей. Ф. М. Достоевский, представленный Алдановым в качестве персонажа в романе «Истоки», изображен в виде болезненного и тщеславного резонера, с которым пытается дискутировать приват-доцент Черняков. В целом алдановское творчество содержит уточнения и дополнения аксиоматики Ф. М. Достоевского. В отношении М. А. Алданова к Ф. М. Достоевскому видна некоторая тенденция, с годами лишь менялся способ выражения этого отношения: от непосредственного в дневниковых и путевых записках до исключительно художественного.

Во втором разделе **4.3.2. «Использование приемов Достоевского и Толстого»** показано, почему М. А. Алданову удалось объединить разные приемы поэтики, ритмы прозы и несходные способы изображения. Совмещение традиций Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского оказалось не искусственной эклектикой, оно определено необходимостью оглядываться на ориентиры, на источники идей, приемов в независимости от стереотипов рассмотрения их поэтики.

В произведениях М. А. Алданова эпизоды смонтированы так, что рядом упоминаются имена Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В своем творчестве М. А. Алданов использует приемы создания психологизма, применяемые Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Используя термин, распространенный на алдановское творчество Е. И. Бобко, отметим, что «аналитический психологизм»⁷⁴ проявляется М. А. Алдановым в романах «Начало конца», «Живи как хочешь», «Самоубийство». В романе «Живи как хочешь» в гипертрофированном образе Альвера, представляющего

⁷⁴ Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. Саратов, 2011. С. 147.

угрозу для человечества, сочетаются психологизм Л. Н. Толстого и приметы персонажа Ф. М. Достоевского. Постоянное обращение М. А. Алданова к приемам Ф. М. Достоевского в публицистике, очерках, литературной критике и художественной прозе – от выстраивания сюжета, до группировки системы персонажей – превратилось в особый прием, который можно назвать «диалогом с Достоевским». Но наряду с этим М. А. Алданов использует средства индивидуализации персонажей, характерные для Л. Н. Толстого. Сделать своего персонажа уникальной личностью с особой историей – это художественная задача М. А. Алданова, которая выполняется «по рецепту» Толстого, об этом заявляет алдановский герой романа «Живи как хочешь». В романе «Истоки», создавая портрет Достоевского и представляя его высказывания, Алданов показывает его психологический облик, обращает внимание на мировоззрение Достоевского, которое сам не может разделять. В словах персонажа Чернякова, направленных против мысли Ф. М. Достоевского о ненависти Европы к России, об особой мессианской роли русского православия, слышна позиция М. А. Алданова, который не может принять взглядов автора «Преступления и наказания». В образе Чернякова писатель представил себя и смоделировал собственное поведение, как если бы он сам оказался в гостях у Ф. М. Достоевского. И все же, изобразив скептически настроенного к предсказаниям Достоевского, но в целом недальновидного персонажа, М. А. Алданов прибегнул к самоиронии, на фоне которой Ф. М. Достоевский выглядит поистине великим. Следовательно, можно заключить, что алдановская рецепция Ф. М. Достоевского – это гораздо более сложный процесс, нежели у И. А. Бунина.

С помощью приемов «кинематографизации» в романе «Живи как хочешь» М. А. Алданов обновляет традиции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Драматическое начало эпического текста, диалоговая стихия, обилие сцен с резонерами-идеологами, многообразие точек зрения, необыкновенные в психологическом смысле герои, вставки сценария и пьесы в композицию романа, различные виды монтажа – все эти черты напоминают о традиции Ф. М. Достоевского в выстраивании текста современного романа. И одновременно склонность к историческому видению событий, панорамность мышления, создание образов простых людей, интерес к настоящему времени и политическим событиям, концептуальность и постоянная оглядка на приемы Л. Н. Толстого, на высказывания его героев, близкий подход к детали наводят на мысль о зависимости М. А. Алданова от повествовательной техники Л. Н. Толстого.

В большинстве случаев герои М. А. Алданова, апеллируя к персонажам Ф. М. Достоевского, пытаются показать свое превосходство, интеллектуальную зрелость, волю высшего порядка, они живут как бы над

опытом Раскольникова, Карамазовых. Даже положительные алдановские персонажи испытывают раздвоение личности. Главные герои М. А. Алданова, так же как герои Л. Н. Толстого, поддаются соблазнам, проходят на своем жизненном пути что-то вроде «диалектики души». Подобно Л. Н. Толстому в «Войне и мире», М. А. Алданов часто использует антитезу внешности и внутреннего содержания: в его изображении красивые люди некрасивы внутри. Алдановский рассказчик так же снисходителен к своим персонажам, как и повествователь в произведениях Л. Н. Толстого.

В связи с этим в диссертации делаются выводы, что на основе традиций Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого М. А. Алданов создает занимательный психологический роман, роман культуры, объединяющий элементы поэтики писателей разных стилей с кинематографическими чертами. При различном отношении к классикам он использует их приемы в собственном романном творчестве, совмещая традиции эпического романа Л. Н. Толстого и драматического романа Ф. М. Достоевского. М. А. Алдановым наследуются приемы организации художественного времени, создания образов персонажей, психологии изображения человека как от Ф. М. Достоевского, так и от Л. Н. Толстого. Диалогичность и напряженность сцен, монтаж мизансцен у него – от Ф. М. Достоевского, наделение их объективным видением, а иногда использование приема остранения – от Л. Н. Толстого. Объединив разнородные художественные стили в своем творчестве, М. А. Алданов смог достичь особых эстетических эффектов.

Рецепция Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в творчестве и литературной критике М. А. Алданова осуществилась оригинальным способом. Не принимая мировидение Ф. М. Достоевского, М. А. Алданов пользовался приемами его поэтики, постоянно апеллировал в своих романах и в литературно-критических статьях к его сюжетам и образам. Даже в одном произведении («Истоки») М. А. Алданов находил способ выразить отношение и к Ф. М. Достоевскому, и к Л. Н. Толстому. Очевидно, что Л. Н. Толстой был более интересен М. А. Алданову как писатель, с которым можно было вступить в конструктивный диалог. М. А. Алданов обращает внимание на ценность сюжетов и различных сцен, которые Л. Н. Толстой щедро оставлял в черновиках. Усвоение приемов Ф. М. Достоевского при отрицании его философии производит впечатление «формальной» рецепции творчества, однако алдановская рецепция произведений Л. Н. Толстого на этом фоне выглядит более глубокой и разносторонней.

В целом использование приемов русской классики в творчестве М. А. Алданова связывается с его консервативным мировоззрением и ориентацией на нравственно-эстетическое наследие русской литературы XIX в. Объединив традиции Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (пусть и

в эклектичном виде), М. А. Алданов попытался примирить, казалось бы, несовместимые друг с другом художественные системы. Это преобразование традиций дало возможность его прозе выйти на новый художественный уровень и, преодолев вкусовые разобщения поклонников Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, традиционализма и модернизма, привлечь к творчеству массового читателя эмиграции.

Третий раздел **4.3.3. «Толстой в статьях и письмах Алданова периода эмиграции»** содержит утверждение, что образ Л. Н. Толстого как противоречивой личности в литературной критике М. А. Алданова с изданием каждой новой статьи или очерка «дополнялся» и усложнялся. Основу этим дополнениям давали публикации биографических материалов, воспоминания друзей Л. Н. Толстого, новые документы, которые издавались в зарубежье и в СССР. Множество страниц отведено Л. Н. Толстому в «Ульмской ночи» именно потому, что знания об авторе «Войны и мира» переполняли М. А. Алданова и отчасти проясняли его собственное противоречивое мировидение. В периодике Алданов-критик обозначал идеи и художественные приемы Л. Н. Толстого, которые стал применять в своих рассказах, очерках, романах. Алдановские газетные и журнальные статьи представили своеобразную концепцию видения личности и творчества Л. Н. Толстого. Эти публикации не могли иметь по-настоящему научного характера, некоторые детали и примеры в них повторялись, но в целом эти эссе выполнили просветительскую функцию и содействовали популяризации наследия Л. Н. Толстого. М. А. Алдановым представлена отнюдь не гармоничная картина мира личности

Л. Н. Толстого, напротив, обозначены его противоречия, показаны причины парадоксов – как в его душевных, мировоззренческих терзаниях, так и в неоднозначных художественных решениях. В диссертации утверждается мысль, что основной принцип алдановской прозы – диалогичность – сформировался под воздействием Л. Н. Толстого. М. А. Алданов сам на уровне идей и стиля превратился в писателя-парадоксалиста, приобретшего объективность и противоречивость своего литературного кумира. В целом алдановское восприятие Л. Н. Толстого и трактовка его произведений, оценка стиля повлияли на литературную атмосферу русского зарубежья, оказали воздействие на читательские приоритеты, на формирование в русской эмиграции канонического образа Л. Н. Толстого как писателя-парадоксалиста, а также на трансляцию этого образа иностранному читателю.

Четвертая глава диссертации завершается параграфом **4.4. «А. П. Чехов в художественном мире Алданова»**, содержащим информацию об истории обращения М. А. Алданова к А. П. Чехову и его произведениям, а также демонстрирует опыт Алданова-драматурга, предложившего новаторское использование принципов чеховской поэтики

в своей драматургической практике и в структуре эпических произведений. В диссертации подчеркивается два аспекта: первый – как осуществлялась рецепция А. П. Чехова в алдановской прозе, второй – какие конкретные приемы чеховского происхождения мог использовать М. А. Алданов в своем драматическом опыте. М. А. Алданов раскрыл несколько направлений чеховской рецепции: и как читатель, воспринимающий публикации фактов жизни Чехова, и как критик, и как писатель.

Специфика алдановского варианта рецепции жизни и творчества А. П. Чехова представлена диссертантом в историко-литературном контексте русского зарубежья. Факты чеховской биографии вспоминаются Алдановым в рецензиях и литературно-критических статьях, в книге «Ульмская ночь». Ему как писателю важно было следовать правде мирозерцания А. П. Чехова, который не превратился ни в морализатора, ни в философа, ни в политика, сохранив свою независимость, свою самость.

В диссертации обращено внимание на детали из чеховских произведений и биографии, упоминаемые в публицистических работах и очерках М. А. Алданова. В отсылках к А. П. Чехову удалось обнаружить закономерность: они приводятся как аргументы и способ подкрепления алдановских суждений. М. А. Алданову нравится в А. П. Чехове отсутствие всякого мифотворчества и неприятие идеологических догм; характеризуя политические взгляды А. П. Чехова, он говорит о его желании видеть Россию свободной страной.

В своих произведениях М. А. Алданов использует приемы, которые он мог позаимствовать у А. П. Чехова. Алдановские тексты связаны с чеховскими рассказами «В почтовом отделении», «Умный дворник», «Унтер Пришибеев», «Хирургия», «Сирена», «Зиночка», «Дама с собачкой», «Дочь Альбиона», «Огни». Многие аллюзии восходят к «Шуткам в одном действии» – «Медведю» и «Предложению», пьесам – «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад». Чеховские мотивы угадываются в романе «Пещера», в рассказах «Павлинье перо», «Истребитель», обсуждение чеховских произведений осуществляется в романе «Бред». М. А. Алданов напоминает А. П. Чехова не только принципами построения сцен, сюжетных линий, но и обхождением с отдельными словами: детали из «Трех сестер» отзываются в романе «Пещера». В романе «Самоубийство» изображен Савва Морозов, вспоминающий свое общение с А. П. Чеховым. Герои философских рассказов М. А. Алданова – «Ночь в терминале», «Рубин» – выступают поборниками «морали снисхождения» (Ч. Н. Ли); в их поступках проявляется чеховское сочувствие к человеку. Большинство его персонажей оказываются добродушными материалистами со здоровой страстью к жизни. Музыкальность, свойственная А. П. Чехову, в значительной степени определяет и систему

алдановских образов. Вместе с тем персонажи М. А. Алданова становятся критиками приемов А. П. Чехова (Яценко в романе «Живи как хочешь»).

В диссертации отмечена мировоззренческая близость М. А. Алданова и А. П. Чехова: в обозначении моральных проблем и их решениях, чеховский скептицизм и отсутствие склонности к созданию концепций органично близки М. А. Алданову, философия которого основана на признании его величество Случая; алдановские представления о счастье сходны с чеховскими.

В 1930–1940-е гг. М. А. Алданов получил опыт создания драматических произведений (пьеса «Линию Брунгильды» и две вставные драматические части в романе «Живи как хочешь»). Он, подобно И. А. Бунину, недооценивал чеховские пьесы, но, как и в случае с Ф. М. Достоевским, приемы поэтики предшественника все же использовал в своих текстах, самые очевидные применены в паратексте пьесы «Линии Брунгильды». В романе «Живи как хочешь» персонаж-писатель Яценко создает пьесу «Рыцари свободы», которая словно бы написана по «лекалам» чеховских «комедий». Списки действующих лиц, многочисленные и пространные алдановские ремарки раскрывают новые возможности паратекста. Благодаря этому приему чеховской природы пьесы

М. А. Алданова приобретают новые смыслы. Чеховские драматические приемы помогают Алданову усовершенствовать жанр романа послевоенного времени. В алдановском повествовании романтика и ирония взаимопроникают, избавляя текст от излишней серьезности, но при этом сохраняя занимательность и глубину.

Рационалист Алданов художественными средствами попытался показать ограниченность разума в раскрытии проблем современного человека. Автор разоблачает своих персонажей, демонстрируя, что они живут неправильно, нелогично, неестественно, нарушая правду жизни и законы естества. М. А. Алданов обнаружил опасный симптом обезличивания современников и попытался об этом сообщить читателю. Таким образом, А. П. Чехов в алдановском творчестве становится актуальным преобразователем идей и художественных принципов русской классики.

В **Заключении** содержатся выводы из всех разделов соответствующих глав диссертации, сформулированы основные научные итоги исследования. В данной работе показано, что благодаря традициям русской литературы XV–XIX вв. М. А. Алданов оказался художником слова, способным совместить разные, подчас взаимоисключающие приемы, сделать это не эклектично, а органично.

В результате исследования было выявлено, то в художественной прозе и очеркистике своеобразную объективность для выражения своего отношения к русской классике М. А. Алданов приобрел за счет приема разделения обобщенного автора (имплицитного автора) и нарратора.

Диалогичность как излюбленный способ рассмотрения одной ситуации использовался писателем на протяжении всего творчества и выражен в жанре реалистического романа. Именно в рамках формы реалистических романа и повести были проявлены различные алдановские повествователи, а также обобщенный безликий автор, с иронической и отстраненной позиции смотрящий на героев и события истории. В диссертации делается вывод о том, что М. А. Алданов наследовал эти приемы из классической русской прозы и сделал их органичными принципами своей поэтики.

В диссертационной работе проведена мысль, что использование традиций русской классической литературы XIX в. позволило М. А. Алданову показать свою эрудицию, образованность, удовлетворить амбиции создателя высокохудожественной прозы, расположить к себе широкие круги читателей и вместе с тем выдвинуться в первый ряд писателей литературы русского зарубежья. Рецепция русской классической литературы в его творчестве не только определила художественную потребность М. А. Алданова, но и дала возможность утвердить его собственное миропонимание, признание свободы человека как условие для проявления воли в борьбе с иррациональными силами бытия.

Таким образом, различные аспекты восприятия русской классики помогли М. А. Алданову реализовать свои таланты читателя, публициста, литературного критика, автора эпических и драматических произведений. В диссертации высказано предположение, что М. А. Алданов выбрал самобытный путь без опоры на религию, которую по своей духовной сути ему заменила русская классическая литература, ставшая средством сохранения духовности и инструментом укрепления национальной идентичности; различные способы осуществления ее рецепции сформировали в алдановском творчестве особенный образ России. Пребывание писателя в странах, позволявших свободу творчества и мысли, связывается не только с раскрытием творческих возможностей, но и с ответственностью за память, традиции предшественников, с нравственными ценностями и моральными ориентирами.

В **Заключении** также обозначены перспективы разработки проблемы. В частности, предлагается выполнение задачи по сопоставлению уже выявленных результатов рецепции русской классики в СССР и в русском зарубежье в 1920–1950-е гг.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и главы в коллективных монографиях

1. Шадурский В. В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова. Великий Новгород: НовГУ, 2003. 90 с.

2. Шадурский В. В. Марк Алданов – комментатор русской классики. Монография. Великий Новгород: НовГУ, 2016. 111 с.
3. Шадурский В. В. Марк Алданов о Льве Толстом (на материале публикаций в газете «Сегодня») // Рецепция личности и творчества Льва Толстого: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л. Е. Бушканец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 271–284.
4. Шадурский В. В. Забота М. А. Алданова о репутации И. А. Бунина (по архивным материалам) // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества: монография. Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2021. С. 483–496. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-483-498>
5. Шадурский В. В. Приложение. М. А. Алданов. воспоминания о Бунине // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества: монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2021. С. 496–498. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-483-498>
6. Шадурский В. В. Писатель Марк Алданов – борец и джентльмен // Писатель – критика – читатель: (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX – первой трети XX вв.): коллективная монография / Отв. ред. А. С. Александров. Санкт-Петербург: «Росток», 2022. С. 544–562.
7. Шадурский В. В. О рецепции И. С. Тургенева в творчестве М. А. Алданова // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века. Коллективная монография, посвященная памяти профессора Владимира Вениаминовича Агеносова. Москва: Издательская группа «Юрист», 2024. С. 54–63.
8. Шадурский В. В. Русская классическая литература в восприятии Марка Алданова: монография. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024. 305 с. <https://doi.org/10.34680/978-5-89896-899-1/2024.Aldanov>

Статьи в журналах, относящихся к категориям K1 и K2 Перечня ВАК

1. Шадурский В. В. Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 33. С. 72–76.
2. Шадурский В. В. Рецепция Н. В. Гоголя в творчестве М. А. Алданова // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 67. С. 41–44.
3. Шадурский В. В. В ожидании чуда: М. А. Алданов и Г. В. Адамович о Лермонтове // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 83 (Ч. 1). С. 42–46.

4. Шадурский В. В., Степанова М. В. Публикации Марка Алданова в журнале «Современные записки» (отдел «Критика и библиография») // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 4 (87). С. 88–92.
5. Шадурский В. В., Степанова М. В. Тема А. С. Пушкина в критике и публицистике М. А. Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 2. С. 1–6. [Электронный ресурс] URL: <http://www.novsu.ru/file/1166000>
6. Шадурский В. В. И. А. Бунин, М. А. Алданов, В. В. Набоков: суждения об одном по-разному // Вестник МГОУ. Русская филология. Литературоведение. 2016. № 5. С.288–300. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2016-5-288-300>
7. Шадурский В. В., Степанова М. В. А. И. Герцен в восприятии Марка Алданова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 5 (14). С. 57–67. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-5-57-67>
8. Шадурский В. В. Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 278 с. // Вестник Московского университета. Сер. 9. «Филология». 2016. № 1. С. 226–233.
9. Шадурский В. В. Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сборник научных статей / отв. редактор С. Н. Пяткин. Арзамас Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. 552 с., 16 л. ил. // Вестник Московского университета. Сер. 9. «Филология». 2016. № 5. С. 196–203.
10. Шадурский В. В. Рецепция русской классической литературы: случай Михаила Карповича и Марка Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (12). С. 1–7. [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1406401>
11. Шадурский В. В. Цирковые образы в произведениях В. В. Набокова и М. А. Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). С. 1–16. [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1450748>
12. Шадурский В. В. Русские классики в творческом восприятии М. А. Алданова и В. В. Набокова: схождение и полемика (по материалам переписки) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 2 (35). С. 90–99. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-2-90-99>
13. Шадурский В. В. Опыт В. В. Мусатова в понимании литературы русского зарубежья: случай Святополк-Мирского // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава

Мудрого. 2018. № 5 (17). С. 1–16. [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1479912>

14. Шадурский В. В. Художественные приемы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в творчестве Марка Алданова // Известия Смоленского государственного университета. 2019. №4 (48). С. 13–31. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2019-48-4-13-31>

15. Шадурский В. В. Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. №1. С. 178–204. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.5721>

16. Шадурский В. В. Методические аспекты организации изучения творчества Марка Алданова в школе и вузе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. №7 (25). С. 1–6. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.7\(25\).19](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.7(25).19) [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1576477>

17. Шадурский В. В. И. С. Тургенев в восприятии М. А. Алданова // Литературный факт. 2020. № 3(17). С. 265–280. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-265-280>

18. Шадурский В. В. Образ протопopa Аввакума в публицистике Марка Алданова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. №9–1. С. 73–81. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2020-9-73-81>

19. Шадурский В. В. Библиография алдановедения // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6 (31). С. 1–4. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6\(31\).25](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.6(31).25) [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1656311>

20. Шадурский В. В. Д. П. Святополк-Мирский о Марке Алданове // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. №1(34). С. 76–80. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1\(34\).71-75](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.1(34).71-75) [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1702618>

21. Шадурский В. В. М. Уральский. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции / Предисл. С. Пестерева, С. Гарциано. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.: ил. // Вопросы литературы. 2021. №4. С. 296–301. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2021-4-296-301>

22. Шадурский В. В. Марк Алданов о восприятии наследия Л. Н. Толстого (по статьям 1920–1940-х годов) // Известия Смоленского государственного университета. 2021. №3(55). С. 16–28. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2021-55-3-16-28>

23. Шадурский В. В. Рецепция Аввакума в творчестве Марка Алданова // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 208–220. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

24. Шадурский В. В. Марк Уральский, Генриетта Мондри. Достоевский и евреи // Вопросы литературы. 2022. № 6. С. 270–275. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-6>

25. Шадурский В. В., Боденчук В. А. Упоминание русских писателей XVIII века в прозе М. А. Алданова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. №6 (45). С. 737–741. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6\(45\).737-741](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6(45).737-741) [Электронный ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/file/1948196>

Прочие публикации по теме диссертационного исследования

1. Шадурский В. В. Владимир Набоков и Иван Пнин // Набоковский сборник: Мастерство писателя / Под ред. М. А. Дмитриевской. Калининград: КГУ, 2001. С. 61–67.

2. Шадурский В. В., Рецепция А. П. Чехова в творчестве В. В. Набокова // 100 лет после Чехова. Научн. сб.: Материалы научн.-практ. конф. и интернет-конф. Ярославль: ЯГПУ, 2004. С. 102–106.

3. Шадурский В. В. Во что же был одет Онегин? // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Арзамас: АГПИ, 2004. Вып. 6. С. 83–93.

4. Шадурский В. В. Рецепция поэзии А. Пушкина в творчестве Л. Зурова // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Межд. научн. конф. «Пушкин и мировая культура». Санкт-Петербург., 2004. С. 219–225.

5. Шадурский В. В. А. С. Пушкин в рассказе Л. Ф. Зурова // Пушкин и современная культура: Материалы конференции. Санкт-Петербург: КПО «Пушкинский проект», 2004. С. 49–57.

6. Шадурский В. В. Об одном факте биографии А.П. Чехова в творчестве В. В. Набокова // Материалы Межд. научн. конф. «Биография Чехова: Итоги и перспективы». Великий Новгород, 7–9 декабря 2006 г. Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. С. 200–205.

7. Шадурский В. В. А. П. Чехов в творчестве М. А. Алданова // Молодые исследователи Чехова. Сборник статей. Вып. 6. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, май 2008) / Ред. Р. Б. Ахметшин. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 229–238.

8. Шадурский В. В. А. С. Грибоедов в восприятии М. А. Алданова // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. Смоленск, 2010. Выпуск 10. С. 218–224.

9. Шадурский В. В. Рецепция Чехова в творчестве М. А. Алданова // Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова / Ред. В. Б. Катаев, С. А. Кибальник. Сб. статей. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2010. С. 233–242.

10. Шадурский В. В. Русские эмигранты читают Чехова (о восприятии чеховского наследия писателями русского Зарубежья) // Межд.

науч. конф. «Европа чете Чехов». Велико Търново, България, 7–9 октомври 2010 г.: Доклады и сообщения. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2012. С. 173–179.

11. Шадурский В. В. «Романтическое в творчестве М. А. Алданова // Мир романтизма / Научн. ред. И. В. Карташова. Тверь: Научная книга, 2010. Т. 15 (39). С. 223–231.

12. Шадурский В. В. «Мертвые души» в творчестве М. А. Алданова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сб. трудов межд. науч. конф. 2–3 ноября 2010 г. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. Вып.1. (7). С. 133–138.

13. Шадурский В. В. Идеи и образы Ф. М. Достоевского в творчестве М. А. Алданова: опыт Раскольников // Вестник Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 13. Псков: ПГПУ. 2011. С. 78–85.

14. Шадурский В. В. Детство известных людей в портретных очерках Марка Алданова // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русское зарубежье XX века». Москва, 25–27 марта 2009 г.: сб. докл. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 162–170.

15. Шадурский В. В. Пушкинское слово в творчестве Марка Алданова // Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков. Сборник статей и материалов IV международной научной конференции «Мусатовские чтения – 2013». Великий Новгород: НовГУ, 2014. С. 361–370.

16. Шадурский В. В. Драматургия М. А. Алданова: текст, паратекст, рецепция А. П. Чехова // Драма и театр: сб. научн. трудов памяти Нины Ивановны Ищук-Фадеевой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 10. С. 49–61.

17. Шадурский В. В. Случай и мгновение в прозе Марка Алданова // Мгновение и сюжет: Статьи и материалы / Ред.-сост. С.А. Васильева, А. Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2017. С. 191–195.

18. Шадурский В. В. Польские патриоты в изображении Марка Алданова // Libri magistri. Филология в XXI веке. Вып. 3. Магнитогорск, 2017. С.103–112.

19. Шадурский В. В. Город как родной дом в «Повести о смерти» Марка Алданова // Topos domu w literaturach wschodniosłowiańskich, Wydanie publikacji sfinansowano ze srodkow, Wydzialo Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku. Białystok, 2017. С. 61–70.

20. Шадурский В. В. Анализ и интерпретация повести М. А. Алданова «Пуншевая водка» // Производство смысла: Сб. статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко / ред.: С. Ю. Артёмова, Н. А. Веселова, А. Г. Степанов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 343–355.

21. Шадурский В. В. «Бред» Марка Алданова: о зрелости героев и произведения // Зрелость как сюжет: Статьи и материалы / Ред. С. А. Васильева, А. М. Грачева, С. В. Денисенко, А. Ю. Сорочан. Тверь-Санкт-Петербург: ООО «Альфа Пресс», 2019. (Время как сюжет; Вып. 8). С. 200–216.

22. Шадурский В. В. Ценностные ориентиры писателя Марка Алданова // Аксиологический диапазон художественной литературы: сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2020. С. 274–278.

23. Шадурский В. В. Неожиданный миф: образ протопопа Аввакума в творчестве Марка Алданова // Протопоп Аввакум и его наследие в истории и современности: к 400-летию со дня рождения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Великий Новгород, 15 декабря 2020 года. Великий Новгород: Новгородская областная универсальная научная библиотека, 2021. С. 131–138.

24. Шадурский В. В. М. А. Алданов о «шоколадной фабрике» И. С. Тургенева // «Чужое: мое сокровище!»: сборник статей памяти В. А. Кошелева: сборник статей памяти В. А. Кошелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2022. С. 356–361.

25. Шадурский В. В., Павлова С. А. О статье Марка Алданова «Посмертные произведения Толстого» (по материалам журнала «Современные записки») // Российские исследования. 2022. №3 (1–2). С. 23–30.

26. Shadursky Vladimir. The poetics of Mark Aldanov's essays. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: "Man. Society. Communication" (MSC 2020). Vol. 108. London, European Publisher Ltd., 2021. P. 508–516. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.61> [Электронный ресурс] URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.05.02.61>